

САМОЕ
СКАНДАЛЬНОЕ
ИНТЕРВЬЮ
САМЫЕ
СИЛЬНЫЕ
ЧУВСТВА

Инсайда

ЭЛЕНА
МАКНАМАРА

Элена Макнамара

Инсайд

<https://litres.ru/74650129>

Аннотация

– Аварский ненавидит прессу! Охотно даёт интервью после хоккейных матчей, но никого не подпускает к своему личному. Достань мне это личное, Варя! Это очень важно, поняла? Киваю, судорожно облизывая губы. Поеду прямо в логово к хищнику. Надеюсь, что он меня не сожрёт, когда поймёт, кто я такая. И я точно буду гореть на костре за эту авантюру.

Машина, застрявшая в снегу в ста метрах от загородного особняка известного хоккеиста Максима Аварского, и продрогшая до костей девушка. Она должна узнать все его секреты, вытащить на свет все его пороки. Но она не осознаёт, что он буквально соткан из этих пороков. И что его дом станет для неё самой настоящей ловушкой.

История Макса Аварского, которого мы встречали в книге Вип-пациент и Лом. Моя с первого взгляда

Будет жарко! Немного со стеклом!

Однотомник, счастливый финал

Содержание

Инсайд	4
ПРОЛОГ	5
Глава 1. Осталось застрять. Визуализация)	9 15
Глава 2. Гостья.	16
Глава 3. Я бы многое отдала тогда.	21
Глава 4. Доставка на дом.	29
Глава 5. Моё возмездие.	35
Глава 6. Массаж.	42
Глава 7. Кто-то выше.	47
Глава 8. Тот самый взгляд.	55
Глава 9. Плечо.	61
Глава 10. Нельзя чувствовать.	67
Глава 11. Ганнибал.	73
Глава 12. Гад!	79
Глава 13. Бой ещё не окончен.	86
Глава 14. Ночь, которая не закончится.	93
Глава 15. Ночь, которая не закончится. Часть 2	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Инсайд

Добро пожаловать в историю Максима Аварского! График прод будет скорее всего через день. Первую неделю чаще!

Буду благодарна поддержке! Комментарии и звёздочки очень вдохновляют меня и героев)

«инсайд» — это информация, которая не предназначена для широкой аудитории и доступна только определённой группе людей.

ПРОЛОГ

Шайба с глухим стуком ударяется в борт, отскакивает и катится обратно ко мне. Будто издевается.

Третья попытка. Три – ноль не в мою пользу.

– Это было грустно, – говорит Аварский из ворот. – Прямо вот физически больно смотреть.

Стоит, расставив ноги, опираясь на вратарскую клюшку – спокойный, как сфинкс. На голом торсе – только нагрудник и наплечники. Перчатки-ловушки, щитки. Ни шлема, ни свитера. Татуировка на рёбрах уходит под пластик защиты, и я каждый раз спотыкаюсь об неё взглядом.

Волосы мокрые. Глаза наглые.

Сволоочь.

– Я только разминаюсь, – говорю, подгребая шайбу клюшкой.

– Варвара, ты не разминаешься. Ты тянешь время перед неизбежным финалом этого вечера, – изрекает с самодовольным лицом.

Я выпрямляюсь. Колготки на льду – это отдельный вид безумия. Вязаное платье задирается каждый раз, когда я пытаюсь замахнуться. Коньки – его, на три размера больше, чем надо. Две пары шерстяных носков внутри – и всё равно нога болтается.

Я похожа на оленёнка Бэмби, которого выпустили на лёд ради жестокого эксперимента. Он похож на человека, который этим экспериментом наслаждается. Хотя так и есть — Аварский в полнейшем восторге.

— Напоминаю условия, — говорю я, медленно подкатываясь ближе. — Я забиваю — ты от меня отстаёшь.

— Я помню условия.

— Повтори, — требую я.

Он чуть наклоняет голову к плечу и пробегает по мне снисходительным взглядом. Улыбка у него лучезарная. Такая, от которых у нормальных женщин подкашиваются ноги. Хорошо, что я ненормальная.

— Ты забиваешь — я от тебя отстаю. Ухожу в спальню, закрываю дверь, не трогаю тебя до утра. Ты спишь одна в гостиной, как порядочная девушка, и видишь сны про учебные планы и тетрадки, — явно паясничает он. — А утром я сяду в тачку и отвезу тебя куда скажешь. И спасу наконец из того плена, в который ты попала. Здесь, со мной, — добавляет хрипловатым голосом.

— Именно, — киваю я.

— А если не забиваешь...

Он крутит клюшку, глядя мне в глаза.

— Если не забьёшь — я тебя трахну. Прямо здесь.

Это звучит не как угроза. Это звучит как прогноз погоды. Спокойная констатация. Завтра снег, минус восемнадцать, сегодня Аварский трахнет тебя на льду.

Как же бесит его самоуверенный тон!

Холод кусает колени сквозь колготки. Дыхание выходит паром. Свет в «коробке» – тусклый, только половина ламп горит. Мы тут одни. За стенами – минус двадцать и тишина, как в космосе. Потому что за стенами «коробки» ничего, кроме его особняка, снегопада и километров пустоты.

Откатываюсь назад.

– У тебя завышенное чувство собственной неотразимости, Аварский.

– А у тебя заниженное чувство реальности, Варвара. Ты ни разу не попала даже в створ.

Я закусываю губу. Злость – хорошее топливо. Лучше, чем то, другое, что скручивается внизу живота каждый раз, когда он говорит слово «трахну» этим своим голосом.

Подбираю шайбу. Выкатываюсь на центр площадки. Льда тут – метров тридцать в длину, может, меньше. До ворот – рукой подать. Но он стоит в них так, будто это финал Кубка Гагарина, а на трибунах – двадцать тысяч зрителей.

– Ну давай, – говорит он тихо. – Покажи мне, что ты умеешь.

Я разгоняюсь – насколько можно разогнаться на коньках, которые тебе велики, в платье, которое задирается до чёрт знает куда. Замахиваюсь. Бросок низом, в правый угол.

Он ловит ловушкой. Даже не сдвинулся. Просто хлоп – и шайба в перчатке.

– Четыре – ноль, – говорит и азартно облизывает губы. –

Нас ждёт нескучный вечер, да?

Шайба катится ко мне по льду.

Я подбираю её. Пальцы мёрзнут даже в перчатках. Колени горят от холода. Сердце стучит так, что он наверняка слышит.

Последняя попытка.

Он смотрит на меня – и в его взгляде голод. Чистый, неразбавленный, без единого намёка на иронию. Он хочет, чтобы я промахнулась. Он ждёт.

Выкатываюсь на позицию. Делаю глубокий вдох.

Замахиваюсь.

Глава 1. Осталось застрять.

Варя

– Мне нравится этот план! – пропевает Марков, делая широкий шаг ко мне.

Загораживает своей внушительной фигурой и свет из окна, и табличку с названием нашей медиа-редакции. И сжимает мои плечи так, что они хрустят.

Сейчас босс смотрит на меня с толикой уважения, о чём я и мечтала все годы работы в «Офсайде». А ещё в его глазах чистый экстаз и маниакальный азарт.

– Аварский ненавидит прессу! – вещает Марков. – Охотно даёт интервью после хоккейных матчей, но никого не подпускает к своему личному. Достань мне это личное, Варя! Это очень важно, поняла?

Киваю, судорожно облизывая губы.

Мне немного страшно. Потому что... Ну это же Аварский! Звезда хоккея, весьма состоятельный человек и сексуальная сволочь.

Но я вызвалась сама и теперь уже не передумать.

Марков отправляет меня с богом. Коллеги провожают восхищёнными взглядами, которые должны бы меня подбодрить и вдохновить. Но я вот вообще не уверена в правильности того, что собираюсь сделать.

Во дворе бизнес-центра, в котором находится скромный офис «Офсайда», стоит моя машинюшка. На заднем сиденье – сумка с вещами. По легенде я возвращаюсь в Москву из области, от подруги. Якобы мы вместе отмечали Рождество.

Перед тем, как открыть дверцу, делаю глубокий вдох. Морозный воздух обжигает лёгкие. На улице минус двадцать. Будет очень весело, если моя «Ока» сейчас просто не заведётся.

Или это будет знаком?

Решительно сажусь за руль и поворачиваю ключ. Стартер крутит слабо. Очень слабо... Наконец начинает разгоняться, и мотор схватывает.

Завелась.

Дышу на руки, пальцы начинает сводить от холода. Печка у моей машинки нагревается долго.

– Ладно, едем, – бубню себе под нос. – Раз уж моя крошка завелась, это хороший знак.

Из Москвы я выбираюсь по километровым пробкам. Наконец лечу по М4, постоянно сверяясь с гугл-картой. Где-то тут должен быть поворот.

Скорость у меня, конечно, никакая. Даже на голосовые сообщения успеваю отвечать.

От Маркова: «Варь, кидай всё в закрытый чат, я тебя добавил. Если со связью будут проблемы... Хотя нет, нам это не подходит. Так что ищи связь хоть на крыше, поняла?»

Закатываю глаза.

Марков Анатолий Владленович – трудоголик и псих. Семья у него одна – редакция «Офсайда». Ещё год назад это был популярный канал с миллионной аудиторией. Теперь у нас всего триста тысяч подписчиков. Благодаря Максиму – важной заднице, входящей в сотку Форбс – Аварскому.

Записываю голосовое для босса:

– Всё будет хорошо. В его доме сто процентов есть вай-фай.

И дедушке записываю голосовое:

– Дедуль, тётя Катя зайдёт к тебе сегодня, приготовит ужин. Она тебя всю неделю будет навещать и кормить. Сказала, что хочет матч-реванш в шахматы. Думает, ты мухлевал тогда. Но мы-то оба знаем, кто у нас чемпион, да? Я буду без связи несколько дней. Люблю тебя, дедуль.

Откладываю телефон. Навигатор уводит меня с трассы на узкую дорогу. Потом на ещё более узкую.

Снег валит стеной. «Ока» плывёт. Буквально. Её несёт по колее, как лодку по течению. Я судорожно кручу руль, но машине плевать – она сама решает, куда ехать. Вцепляюсь в него сильнее.

Телефон давно потерял связь. Карта замерла с надписью «Ищу маршрут» и больше не подаёт признаков жизни. Но я запомнила – прямо, потом направо, потом до конца.

До конца чего – не уточняется.

Посёлок появляется внезапно. Заборы, дома, фонари. Но

ни одного следа на дороге. Ни одной живой души. Будто все вымерли или уехали праздновать Рождество куда-нибудь, где есть цивилизация. Её тут точно нет.

Я проплываю мимо этого посёлка. Потому что нужный дом далеко за ним, на огромной территории, принадлежащей звезде НХЛ и КХЛ.

Долго еду вдоль глухого забора, а потом вижу огромный дом. Узнаю его по фотографиям из материалов Маркова. Глухой забор сменяется кованым. Вижу в окнах свет. До ворот остаётся метров сто.

Руки трясутся – и не только от холода.

Ладно, Морозова. То есть Романова. Ты – Романова. Варвара Романова. Коренная москвичка. Ехала от подруги. Заблудилась. Застряла. Нужна помощь. Всё просто.

Осталось застрять.

Ворота приближаются...

– Прости, малышка, – шепчу и глажу руль. – Прости, прости, прости...

Зажмуриваюсь – и давя на газ. «Ока» прыгает вперёд – неожиданно резво для полумёртвой машины.

Бах!

Бампер впечатывается в кованые ворота. Меня резко дёргает вперёд и тут же откидывает назад. «Ока» отскакивает и, кажется, слегка разворачивается. Потом втыкается во что-то ещё и задом и глохнет.

Открываю глаза. Ворота стоят, как стояли. Им вообще ни-

чего. А вот моя машинка, по ощущениям, всмятку. И сзади, и спереди.

Пробую завести, но она не издаёт ни звука.

Выбираюсь на улицу, надеваю пушистые варежки, затягиваю потуже шарф. Осматриваюсь. За кованными воротами ровным счётом ничего не происходит. Тогда я всё же смотрю на увечья. Задний бампер в сугробе, на переднем – вмятина, трещина, кусок пластика висит и покачивается на ветру.

Блин, жалко машину. Но что не сделаешь ради сенсационной статьи.

Так... Что дальше?

Смотрю сквозь решётку ворот на дом. Снег валит густой пеленой, по лицу бьёт ледяной ветер. Долго я тут не протяну. Глазами ищу звонок или что-то в этом роде. Но нахожу только глазок камеры. Похоже, прямо сейчас кто-то смотрит на меня.

Вздрагиваю. Потому что вижу, как дверь дома открывается, и у ворот тут же вспыхивает свет.

На крыльцо выходит Аварский. Высокий. Широкий. И даже отсюда, находясь в двадцати метрах от него и сквозь снежную пелену, я остро чувствую его энергию.

Журналисты называют Аварского бурей. Он импульсивен, иногда даже экспрессивен, и часто оказывается в центре скандальных новостей. Его ненавидят завистники и обожают болельщики. В него влюблены толпы женщин России и зарубежья.

И этот идол миллионов прямо сейчас идёт ко мне. А у меня трясутся колени. Потому что давно, очень давно, почти в прошлой жизни, мы были знакомы...

Визуализация)

Максим (Аватар) Аварский

Варя Морозова

Глава 2. Гостья.

Макс

Распластавшись на диване, заливаю свою боль самым бабским в мире напитком – мартини. Потому что запас вискаря я прикончил ещё пару дней назад.

Марта ходит по дому, собирает пустые бутылки. Что-то там ворчит на своём языке, наверняка полоща меня по полной. Не потому, что я хреновый работодатель, а потому, что сейчас я хреновый собеседник. А мы тут заперты вдвоём уже неделю. И ещё дней пять придётся ей меня потерпеть – ровно столько осталось до «большой» пресс-конференции. На которую я, кстати, не поеду.

Телефон вибрирует где-то под задницей. Пока ищу его, бокал с мартини ездит по прессу, жидкость расплёскивается на кожу и диван. Слышу недовольную реплику Марты на армянском где-то справа – и она тут же забирает бокал. Не успеваю его перехватить, мартини уплывает от меня.

Да вашу ж мать!

Подношу телефон к лицу. На экране написано «Лом».

Сбрасываю его звонок. Нет, друган, с тобой я тоже говорить не хочу.

Аварский сдулся. Кончился. Сломался. И вот никто, абсолютно никто не может меня починить. В свои тридцать че-

тыре я разваливаюсь, как старый дед.

Сука, травма!

Точнее их три. Плечо, самолюбие, репутация. Всё разьебано в хлам.

Набираю массажисту – он не берёт.

– Марта, там Геннадича не видать? – кричу своей домработнице.

– У ворот какая-то машина. Но не Станислава Геннадьевича, – отвечает она.

И тут же что-то начинает неприятно пикать.

Сползаю с дивана, иду в холл. Пищит сигнализация ворот. На экране домофона – картинка с камеры над ними. Голубая крохотная тачка и... девчонка в пуховике рядом с ней. Отключив сигнализацию, поворачиваюсь к Марте.

– Это глюк? – на полном серьёзе спрашиваю я.

Марта качает головой. И тычет пальцем в экран:

– Она замёрзнет там, надо её пригласить в дом.

Вообще-то, моё заточение не предполагает гостей. И если я её впущу, выпустить уже не смогу. Потому что информацию о моём ущербном состоянии нельзя разносить. Но я всё равно надеваю куртку, обуваюсь и выхожу на крыльцо. Свет вспыхивает у ворот автоматически. И вся дорожка до них подсвечивается голубым мерцающим светом.

Девчонка в пуховике, замотанная по самые глаза в тёплый шарф, вдруг начинает суетиться и ходить вокруг машины. Точнее, вокруг своего недоразумения голубого цвета. Это

что, «Ока»?

Блять... «Ока»? Зимой, в области? Да ну нахер! Я был уверен, что эти коробки вымерли ещё во время мезозойской эры.

Открываю калитку и смотрю на сие чудо, прислонившись плечом к холодному металлу ворот. Девчонка оборачивается и быстрым движением натягивает шапку почти до глаз. Нос у неё красный. Я сейчас вижу только его и светлые глаза.

Пару секунд она смеряет меня строгим взглядом. Словно именно мои ворота виноваты во всех её бедах, а значит, и я тоже виноват.

– Как ты тут оказалась? – спрашиваю её.

– Заблудилась. Навигатор потерял связь, я ехала вслепую. Голос её звучит глухо из-под шарфа.

– Откуда ехала?

Как, блять, вообще можно заблудиться до тупика в виде моего участка? Вероятность попасть сюда случайно – один на миллиард.

– От подруги ехала. Была у неё в Чехове на Рождество.

– На этом ехала? – киваю на голубое недоразумение с пробитым бампером.

Девчонка оборачивается на свой транспорт, потом в недоумении смотрит на меня.

– Ну да. На своей машине. А что не так?

– Не смей меня, это не тачка, а брелок для тачки. Как ты не убила?

Она прищуривается.

– Если это всё, что ты можешь сказать, лучше возвращайся в дом. Ты мне мешаешь.

– Мешаю замерзать?

– Откапываться, – гордо вскидывает подбородок, отчего шарф немного сползает, обнажая рот.

Красивый рот. На весьма симпатичном лице.

Примириительно раскрываю ладони перед собой.

– Конечно, конечно. Продолжай, я молчу.

Девчонка забирается в «Оку», потом появляется с каким-то предметом и раскладывает его.

Это... Лопатка. Пиздец, какая маленькая. Микроскопическая. Становится чуть больше, когда она выдвигает ручку. Походу, из «Детского мира» это недоразумение. Или шла в комплекте с этой мизерной машинкой.

Сжимаю челюсти, чтобы не заржать. Лицо аж деформируется от напряжения, пока стараюсь держать его непроницаемым. Смех щекочет горло. Сейчас рванёт.

Она начинает копать.

Бля... Этой лопатой только мороженое черпать.

– Не смешно! – разворачивается ко мне девчонка.

– А кто смеётся?

Мой голос звучит почти невозмутимо, почти ровно.

– Ты. У тебя всё на лице написано, – отчитывает она меня.

– Думаешь, что какая-то идиотка посреди сугробов пытается откопать машину лопаткой из «Детского мира».

Хмыкаю, не успевая поймать этот звук.

– Я так и думала, – бурчит недовольно. – Всё понятно с тобой.

– А что понятно? – меня почему-то цепляет её тон.

Делаю пару шагов по направлению к девчонке. Молодая, лет на десять, наверное, моложе... И что-то там про меня поняла с ходу?

– Обычный зажавшийся мажор! – выплёвывает она.

Я подхожу вплотную. Она не отступает. Задирает голову, и шарф сползает окончательно.

Красный нос, такие же щёки, слегка обветренные губы и голубые глаза. Но не малолетка. К тридцати, наверное. И это не по внешности я читаю, а по взгляду – сейчас такому серьёзному. В её глазах читается опыт прожитых лет.

– Даже если ты выкопаешь тачку, у тебя пробило два колеса. Дальше десяти метров не уедешь. Бросай свою лопату и заходи в дом. Скоро стемнеет, и метель начнётся.

И я не собираюсь ждать её решения. Разворачиваюсь и иду обратно в свой двор, оставляя калитку открытой.

Возможно, я об этом пожалею...

Глава 3. Я бы многое отдала тогда.

Варя

Он изменился. И я не о внешности.

Я знала, как он выглядит – наблюдала за ним все шесть лет. Через новости о «Легионе», через фан-группы с фотками и видео. Смотрела, как весёлый парнишка превращается в огромного мужика с мышцами и амбициями. Это я видела. А вот сейчас почувствовала кое-что другое. Он стал тяжелее. Энергетически...

Калитка открыта, меня пригласили. Собственно, этого я и хотела.

Забираю из машины телефон, закрываю её на ключ и захожу на территорию самого Максима Аварского.

Он меня не узнал. Да я и не надеялась, что узнает. Ну кто я для него была? Очередная глупая фанатка?

Максим дожидается меня на крыльце, распахнув дверь в дом.

– Ты здесь один живёшь? – торможу рядом с ним.

– Нет, со своей домработницей, – отвечает нехотя. – Ты заходишь или как?

Ну конечно, захожу, я же здесь именно для этого.

Внутри так тепло – аж лицо обжигает. Стягиваю шарф, шапку, расстёгиваю пуховик. Максим снимает свой. А под

ним – ничего. Только голый торс с кубиками пресса. И татуировка ползёт от груди к рёбрам, спускается ниже... ныряя под резинку спортивных штанов.

Я сглатываю и резко возвращаю взгляд к лицу Аварского. А он внимательно разглядывает меня. Лицо, волосы, фигуру...

Невольно зажимаюсь и отворачиваюсь, пробегаю взглядом по обстановке вокруг. Большой холл, на стене – плазма, экран разделён на шесть частей, на каждой – картинка с камер. В одном квадратике видны ворота и моя машина за ними.

А ещё с того места, на котором я стою, просматривается часть гостиной, диван, заваленный подушками, сползший на пол плед.

– Ты музыкант? – разворачиваюсь к Максиму.

Он забирает у меня куртку, шапку, шарф. Шарф зачем-то нюхает. Но я старательно игнорирую и этот странный жест, и то, как отзывается на него что-то внутри меня.

– Ещё попытки будут? – бросает Аварский и на секунду скрывается за дверью гардероба.

– Не знаю... Блогер?

– Хм... Я похож на медийную личность? – вновь появляется Аварский. – Это твои варианты к определению «зажравшийся мажор»?

– Ну не спортсмен же, – небрежно пожимаю плечом.

Он приподнимает брови, подходит ближе. Я отступаю.

Максим останавливается и больше не пытается приблизиться. Наклонив голову к плечу, смотрит на меня с ещё большим интересом.

– Вообще-то, спортсмен, – говорит ровным тоном. – А ты, похоже, далека от спорта, раз понятия не имеешь, кто я такой.

– А кто ты? – изображаю на лице предвкушение. – Футболист? Точно! Твоё лицо кажется мне знакомым. За «Спартак» играешь? Или за «Зенит»? Подожди-подожди... сейчас вспомню.

Показательно тру лоб, типа очень напрягаю свою память. А на его лице отчётливо читается: «Послал же Бог идиотку».

Но нашей миленькой рокировке приходит конец, когда в холле появляется женщина. Невысокая, крепкая, в фартуке, с тёмными волосами, стянутыми в узел. И её я почему-то опасаюсь больше, чем Аварского. Потому что смотрит она на меня так внимательно, словно сейчас узнает. Вот прямо торжественно провозгласит: «Это же та самая, из Офсайда!» Хотя мы с ней никогда не встречались.

– Здравствуйте, – говорю дрогнувшим голосом.

Она вдруг прижимает руки к груди в молитвенном жесте и поднимает взгляд к потолку.

– Аствац им, инч сирун ахчик э (Боже мой, какая красивая девушка), – говорит она тихо, почти шёпотом. – Тэр Аствац, дунц лсецир (Господи, ты меня услышал).

– Марта, – одёргивает её Максим.

– Ай тха, ес аман ахотум эи (Мальчик мой, я так молилась)!

Она подходит ко мне, дотрагивается до моих растрёпанных волос. И вновь смотрит в потолок, словно оттуда кто-то смотрит на неё в ответ.

– Аствац нран кез у́ хардзакэц (Бог её тебе послал).

Я ни слова не понимаю... Но вроде она молится.

– Марта! – рявкает Максим. – Лур кац (Замолчи)!

Она всплёскивает руками и тычет в него пальцем.

– Бог всё видит! Это Бог её послал!

– Она врезалась в ворота, а не с неба упала, – цедит Максим.

Марта машет на него рукой – безнадёжный, мол – и поворачивается ко мне. Берёт за локоть.

– Кушать, – говорит мне. – Идём.

Меня куда-то ведут. Наверное, на кухню. Я оборачиваюсь на Максима. Он стоит посреди холла, трёт переносицу и выглядит так, будто хочет провалиться сквозь пол.

– Не слушай её, – бросает мне вслед. – Она сумасшедшая.

– Сам сумасшедший! – кричит Марта.

Мы заходим в просторную кухню, и она усаживает меня за стол. Не успеваю перевести дух, как появляется Аварский. Но остаётся в дверях. Подпирает плечом стену, скрестив руки на груди.

– Как тебя зовут? – спрашивает наконец.

А я уж думала, мы так и будем без имён препираться.

– Варвара. Романова Варвара.

– Ва-ря... – сладко пропевает Марта, переводя взгляд на Аварского.

Между ними происходит какой-то молчаливый диалог. Но, судя по всему, Максим умеет давить даже молча, потому что Марта резко отворачивается и возвращается к своим делам. А сам он отрывается от стены и подходит к столу. Садится напротив меня. Одеваться явно не собирается. Расслабленно откинувшись на спинку стула, заявляет:

– Ну пусть будет футбол. Играю за «Спартак». Пятый номер. Максим Аварский.

– Ммм... – я держу слишком долгую паузу, не понимая, какую эмоцию выдать на его откровенную ложь. – Мне... кажется... ты... лжёшь, – продолжаю тормозить на каждом слове.

– Больше не похож на футболиста? – неискренне изумляется он.

– Похож. Но ты не футболист. И можешь не говорить, если не хочешь. Имя-то хоть настоящее?

– Имя – да.

– Очень приятно, – киваю я.

– Мне, наверное, тоже.

Максим протягивает руку. Вкладываю свою в его широкую ладонь, которая оказывается очень тёплой. Он трясёт мою руку и с каким-то азартом смотрит мне в глаза. Тем временем Марта ставит передо мной тарелку, и я осторожно вы-

дёргиваю пальцы из его захвата.

От божественного аромата рагу у меня начинает урчать в животе.

Потом Марта приносит ещё и тарелку с ломтиками сыра, сала и хлеба. Максиму подаёт чай, а мне – бокал с чем-то красным.

– Вино, – небрежно роняет Максим. – Чтобы согрелась.

А вот с вином я, пожалуй, пас.

Пригубив его лишь для вида, пробую рагу. И не замечаю, как съедаю всю тарелку.

Марта уходит, оставляя нас одних. Максим пьёт свой чай и наблюдает за мной.

Шесть лет назад я бы душу дьяволу отдала, чтобы вот так посидеть с ним за одним столом. Чтобы хотя бы ещё раз попасть в плен его гипнотического взгляда. Чтобы он смотрел на меня, а не сквозь меня.

Вот сейчас он смотрит именно на меня, поэтому и не узнаёт.

– В Москве тебя кто-нибудь ждёт? – внезапно спрашивает Максим.

– Нет. Я живу одна.

И это правда. Дедушка живёт в соседней квартире.

– Работа?

– Каникулы. Я учитель дошколят, – выдаю заготовленную легенду.

– Мм... Учитель? – изумляется Аварский. – Ни за что бы

не подумал.

И я не спрашиваю, какую профессию он успел примерить ко мне. Хотя очень хочется спросить.

На кухне вновь появляется Марта и протягивает Максиму телефон.

– Станислав Геннадьевич звонит.

Он резко встаёт и, забрав телефон, выходит из кухни. Марта семенит за ним, а я прислушиваюсь.

– ... То есть вообще не проехать? Да какие дорожники? Их хрен дождёшься. Давай я найду, кто тебя на внедорожнике привезёт?.. В смысле? Да какая, блять, мазь, Геннадич?.. Ладно, всё. Ага, на связи.

Видимо, заканчивает разговор. И теперь я слышу шёпот Марты, но не разбираю слов.

Максим появляется в дверях, старательно изображая ослабленность, но я вижу, что с ним что-то не так. Вероятно, слухи о травме правдивы... Эту колоссальную новость «Офсайд» должен опубликовать первым.

Но я не уверена пока...

– Марта покажет тебе спальню, – говорит Максим и уходит.

Я доедаю сыр и хлеб. Даже допиваю вино.

Марта ждёт меня в холле, тепло улыбаясь.

– Пойдём, дочка.

Поднимаемся по лестнице на второй этаж, и Марта говорит извиняющимся тоном:

– Ты не обращай внимания на его поведение, он иногда бывает грубым. Давно без женщин.

У меня почему-то от этой информации вспыхивают щёки. Или это от вина?

Аварский без женщин? Да не смешите меня!

Она показывает мне спальню. Уютную, с большой кроватью, шкафом и собственной ванной.

– Одежда! – вдруг спохватывается женщина, глянув на мои джинсы и свитер.

– О, нет-нет-нет. Не нужно! – останавливаю её порыв бежать искать для меня какие-то вещи. – У меня есть немного вещей с собой. Я же ехала от подруги... прежде чем заблудилась...

На последней реплике мой голос предательски срывается. Потому что Марта смотрит на меня так, словно видит насквозь. Лукаво прищурившись, поднимает указательный палец вверх и произносит:

– Надо быть честной перед ним. И он ответит добром.

После чего уходит.

Так... И что это значит?

Глава 4. Доставка на дом.

Аварский

Я обшариваю бар и кухонные ящики.

— Марта, дай мне обезбол!

Она молчаливо достаёт таблетки, наливает стакан воды.

— Не такой обезбол, — отпихиваю стакан, сверлю её взглядом. — Где мой вискарь?

Уверен, что выпил не всё.

Она вскидывает подбородок, скрещивает руки на груди.

Ростом мелкая, метр пятьдесят может, а умеет вести себя так, словно выше меня на голову.

— Вылила, — заявляет твёрдо.

— Моё плечо...

— Не болит, — перебивает меня. — Это отговорка не принимать на себя ответственность.

Фыркаю, отшатываясь.

— Не припомню, чтобы у тебя был диплом психолога.

Она отвечает мне на армянском. Так быстро, что я не успеваю понять ни слова. Но видимо что-то не очень хорошее, судя по интонации.

— Я тебя уволю, — разворачиваюсь к домработнице и замечаю свою гостью в холле.

— Увольняй, — спокойно отзывается Марта. — А ещё

оденься, — тычет в мою грудь пальцем. — И побрейся. Господи...

И, вскинув взгляд в потолок, начинает причитать свои молитвы.

Никогда она не была сильно набожной. Никогда не доставала меня проповедями. Начала вот недавно, когда меня немного подкосило.

Оставляю Марту, иду к Варваре.

Она нерешительно застыла возле двери гардероба, явно не решившись сунуться к нам с домработницей во время перепалки.

— Прости, что снова попадаюсь на глаза, — начинает осторожно, — мне нужно сходить до машины. Ключ в куртке. Куртку ты забрал и...

— Она здесь, — открываю дверь гардероба. — Прошу.

Варвара заходит внутрь, я зачем-то за ней. Места здесь много, вещей тоже. У стены стоят клюшки, на полу валяются коньки...

Твою ж мать!

— Оо, ты играешь в хоккей? — разворачивается ко мне Варвара и прищуривается так, словно теперь пытается увидеть меня иначе.

И есть в этом прищуре что-то... что-то знакомое.

— Профессионально играешь?

— Мы встречались раньше? — спрашиваю её в лоб.

— Что? — распахивает удивлённо глаза. Потом мотает го-

ловой. — Не думаю... Нет. Я бы запомнила.

Может, на кого-то похожа она просто.

— Бери свою куртку, — киваю на вешалку в углу. — И дай мне ключи, я сам лучше схожу.

Сразу влетаю в пуховик и жду, когда она достанет ключ из кармана.

— Да я бы и сама...

— Там метель. В окно не смотрела?

Получаю ключ, рассматриваю.

— А где брелок сигнализации? Ты не запираешь своё ведро?

Она закатывает глаза почти так же профессионально, как это делаю я.

— Я запираю на ключ.

— Ооо... Понятно.

Стоим, смотрим друг на друга.

Глаза у неё скорее светло-зелёные, а не голубые. Волосы походу натуральные, некрашенные. И сейчас непричёсанные и магнитятся от шерстяного свитера. Мне кажется, если я до неё дотронусь, то меня шибанёт током.

И я зачем-то дотрагиваюсь до её щеки.

— О, ударило, — озвучиваю вслух, одёргиваю руку.

Варя смотрит ошарашенно. А я никак не комментирую свой странный поступок.

— Что взять из машины?

— Мою сумку. Она на заднем сиденье.

Выхожу из гардероба, Варя идёт за мной.

Когда распахиваю входную дверь, нас сразу обдаёт снежным вихрем. За порогом развернулся тотальный армагеддон. Ветер, снег стеной и холод собачий.

— Ладно, не ходи, — Варя вдруг впивается пальцами в моё плечо.

Больное плечо.

Но от её прикосновения становится как будто легче.

Я ждал Геннадича. Он мой массажист уже лет сто. И он не смог до меня доехать сегодня. И никто не сможет, вижу по погоде.

Такую хрень передают дня на три, не меньше.

Геннадич не просто массажист, он гений. Втирает мне там что-то в плечо, и боль не беспокоит сутки. Эта мазь — его личный рецепт, в аптеке не купишь.

Скашиваю глаза на её пальцы на моей куртке, и Варя тут же неловко убирает руку.

Жаль.

— Не парься, я схожу, — говорю ей и выхожу в этот пиздец.

Ветер хлещет в лицо, снег забивается за шиворот. Голубое недоразумение открываю ключом, забираю сумку. Миниатюрную спортивную сумку. С такой обычно девицы ходят в тренажёрный зал или на шейпинг.

Закидываю сумку на плечо, возвращаюсь к дому, и дверь сразу распахивается.

Варвара смотрит на меня взволнованно, начинает рукой стряхивать снег с куртки.

Надо сказать, мне приятна её суета сейчас.

Захожу в дом, захлопываю дверь. На её сумке тоже снег, и приходится стряхнуть его на пол.

— Если снегопад будет и дальше, то как же я смогу уехать? — спрашивает Варя. И начинает размышлять вслух: — Надо найти какой-то внедорожник. Пусть мою машину зацепят на лямку и дотащат до дороги. Только у меня нет знакомых на внедорожниках. Наверное, в интернете ведь можно найти...

И вот она лепечет это всё своим нежненьким голосочком... А я почему-то отмечаю, что он нежненький. И стонать она наверное умеет очень сладенько. И пока она говорит, я смотрю на её губёшки, старательно скрывая проснувшееся вожделение.

Когда у тебя был секс, Аварский? По ощущениям — в прошлом году.

Сука, а ведь и правда в прошлом.

В декабре.

И тут мне кто-то сверху организовывает доставку прям на дом. В моё убежище от прессы и всего внешнего мира.

Доставку в виде вот такой интересной девчухи.

На, мол, утешься, Аварский.

— Ну что скажешь? — спрашивает Варвара. — Поедет сюда кто-то завтра? Или мне лучше забыть про машину и пытаться уехать на автобусе?

Я молчу.

Она ждёт ответ.

— Максим, здесь же ходят автобусы, да? — спрашивает настороженно. — Я видела остановку примерно в километре.

— Нуу... насчёт твоего отъезда расклад такой. Мы тут застряли на три дня минимум. Из-за погоды. А потом ещё на два — до одного события. Тебе нельзя покидать этот дом до этого события.

— Что? Пять дней? — вздрагивают её губки в нервной улыбке.

— Пять, да. Ты пробудешь тут пять дней.

Глава 5. Моё возмездие.

Варя

— Подожди... Я как-то не очень тебя понимаю. Какое событие, что это значит?

Я очень старательно показываю нарастающее негодование. Хотя внутри испытываю ликование. Пять дней с Аварским дадут мне очень (очень!) много материала.

— Ну вот так, — вздохнув, Максим разводит руками. — Деталей не будет, Варвара. А сейчас мне надо... В общем, откланиваюсь.

Дёргается вправо, и я тоже вправо, нелепо сталкиваемся, и я отпрыгиваю. Запнувшись об сумку, теряю равновесие.

— Осторожно...

Аварский ловит меня за талию, ставит прямо. И не отпускает секунд пять или семь.

— Ты объяснишь нормально, почему я не могу уехать?

— Объясню, — говорит он, взирая на мои губы. Потом медленно поднимает взгляд к глазам. — Потом. Наверное. Объясню.

И отпускает меня.

— Подожди...

— Потом, всё потом, — поднимает руки и быстро уходит к лестнице.

Слышу, как поднимается на второй этаж.

В гостиную тут же выплывает Марта. Ничего не говорит, просто улыбается с лукавым прищуром и проходит мимо меня.

Эта женщина меня немного пугает. Правда.

Хватаю сумку, иду наверх, запираюсь в комнате, которую можно считать своей на пять дней. Переодеваюсь в атласные пижамные брюки и майку, падаю на кровать.

Да уж... Весёленькие пять дней меня ждут. А потом сенсационная статья. И плевать мне на возмездие Аварского, которое скорее всего последует после...

Потому что это — моё возмездие ему!

Шесть лет назад.

Суматоха такая, что я очень боюсь, что меня снесут. Вжимаюсь в самый угол помещения, прижимая к груди блокнот.

Мне двадцать два. Последний курс журфака, практика в «Спортивном вестнике». Меня сюда отправили, потому что больше никто не хотел ехать на хоккей в пятницу вечером. А я хотела. Ещё как хотела.

«Легион» в этом сезоне — бомба. Новый состав, о котором гудит вся страна. Сафин и Аварский вернулись из НХЛ, Ломов — из шведской лиги. Трое в одну команду, за один трансферный период. Такого в российском хоккее не было

лет двадцать. Плюс Рогов на воротах, Духов в полузащите. Бобров собрал команду мечты, и сегодня она только что разнесла ЦСКА четыре-один на их же льду.

Журналистов набилось человек сорок. Камеры, микрофоны, диктофоны. Все толкаются, все лезут вперёд. Я стою в углу и записываю в блокнот всё, что вижу. Потому что диктофона у меня нет. У практикантки из «Спортивного вестника» нет диктофона. Есть блокнот, ручка и огромные глаза.

Команда выходит. Взмывленные, в расстёгнутых нагрудниках, волосы мокрые. От них идёт пар. Буквально.

Первым садится тренер Бобров. Седой, жилистый мужчина, лицо как топором вырубленное. За ним Сафин — высокий, крепкий, статный. Потом Аварский и Ломов.

Камеры тут же переключаются на них.

— Лев Радионович, три игрока вернулись в Россию ради «Легиона». Это ваша заслуга?

— Это их решение, — отвечает Бобров сухо. — Моя заслуга — результат. Он на табло.

— Амир, вы с Аварским вместе играли в «Питтсбурге». Тяжело было принять решение уйти из НХЛ?

— Не тяжело, — говорит Сафин. — Мы хотели играть дома. Оба.

— Ломов, вы провели три сезона в Швеции. Не жалеете, что вернулись?

Ломов — гора. Два метра, руки как брёвна, лицо каменное. Он смотрит на журналиста и молчит. Потом наклоняет-

ся к микрофону.

— Нет.

И всё. Откидывается назад. Вопрос закрыт.

— Максим, вас называют самым перспективным нападающим поколения. Две шайбы сегодня, одна голевая. Критики говорят, что вы зря покинули «Питтсбург» на пике. Что скажете?

Аварский сидит развалившись, расставив колени широко. Полотенце положил на шею. Улыбается. У него такая наглая улыбка, будто весь мир ему должен и он не против подождать.

— Я скажу, что их люблю, этих критиков, — говорит он.

— Без них скучно.

Смех в зале. Камеры щёлкают.

— Но если серьёзно — почему Россия? Почему сейчас?

— Потому что здесь мой дом. Я хотел играть дома. Всё.

Ещё вопросы. Про тактику, про Боброва, про следующий матч с «Динамо». Сафин отвечает обстоятельно. Ломов молчит. Бобров рубит короткими фразами.

А Аварский вдруг смотрит в мою сторону.

Прямо на меня.

Я стою в углу, прижав к груди блокнот и прикусывая зубами колпачок ручки. Я никому не мешаю. Я вообще часть мебели тут.

Но он меня видит.

— Последний вопрос, — говорит Аварский и кивает на

меня.

Журналисты оборачиваются. Сорок человек смотрят прямо на меня. Камеры тоже разворачиваются.

Я нелепо хлопаю глазами и указываю на себя пальцем. Мол — я? Серьёзно?

Аварский чуть наклоняет голову. Явно ждёт.

Прокашливаюсь. Выхожу из угла. Ноги ватные, я с трудом делаю три шага вперёд. Теперь я стою перед ним, и он смотрит на меня сверху вниз, даже сидя.

Мне нужно спросить что-то умное. Про тактику. Про возвращение. Про контракт.

Но я открываю рот — и спрашиваю совсем другое.

— Вы сегодня забили вторую шайбу в меньшинстве, с разворота, в ближний угол. Вратарь ЦСКА ждал бросок в дальний, все ждали бросок в дальний. Почему в ближний?

Повисает звенящая тишина.

Аварский перестаёт улыбаться. Смотрит на меня так внимательно, будто впервые за всю эту пресс-конференцию ему задали вопрос, на который интересно отвечать.

— Потому что он сместился на четырнадцать сантиметров влево, — говорит он медленно. — У него привычка. Когда ждёт бросок в дальний — смещается. Открывает ближний. Чуть-чуть. Но мне хватило.

— Вы изучали его заранее?

— Три матча пересмотрел.

— Только ради одного момента?

— Ради одного момента, — кивает он. И улыбка возвращается. Но другая. Не наглая. Какая-то другая. — Хороший вопрос. Молодец.

И встаёт, бросает полотенце на стул и уходит в раздевалку, не оглядываясь.

Я стою посреди зала. Журналисты собирают аппаратуру, гудят, расходятся. А я стою как дура с блокнотом и сияю.

Уверена, что никогда этого момента не забуду. А он забудет меня через пять минут.

— Эй, блокнотик!

Оборачиваюсь. Духов. Сам Духов ко мне подходит. Он ещё в форме, нагрудник расстёгнут, конёк развязан.

— Ты откуда такая взялась? Я тебя раньше не видел.

— Практикантка. «Спортивный вестник».

— О, практикантка! — говорит так, будто это самое весёлое слово в русском языке. — Слушай, практикантка. Мы тут отмечаем сегодня. Ну, победу, возвращение парней, всё такое. Бар «Шестёрка» на Пятницкой. Едут наши, пара журналистов из приближённых. Ну, Комаров из «Спорт-экспресса», Динка из «Матч ТВ»... Поехали?

— Я... Это... Нас вроде не приглашали.

— Я тебя приглашаю. Считаю, аккредитация. Только блокнот убери, а то парни напрягутся.

И подмигивает.

Мне бы отказаться. Мне бы поехать домой, написать свой отчёт по практике и лечь спать.

— Спасибо, я еду...

Глава 6. Массаж.

Аварский

Телефон вырублен, я в информационном блэкауте. Не хочу новостей, соцсетей и даже разговоров с друзьями.

Постукиваю корпусом смартфона о барную стойку. Рядом дымится кружка с каким-то отваром от Марты.

«От твоей вымышленной боли», – сказала она.

Я не решаюсь это пить.

По телику – хоккейный матч без звука. «Легион» против «Северных волков». Финал Кубка Гагарина. Краснодар. Четвёртый период, один-один. Я помню каждую секунду того матча. Помню, как тянулось время. Помню, как трибуны замерли...

Минута до конца. Сафин подбирает шайбу, отдаёт пас – и я бью в одно касание. Даже не думаю. Тело само знает.

Два-один. Трибуны взрываются.

Хороший был год.

Последний хороший.

Валерия...

Даже её имя до сих пор вызывает привкус чего-то кислого во рту.

Мы познакомились в Штатах на какой-то вечеринке после благотворительного матча. Русская модель. Красива так, что

больно смотреть. Я тогда думал, что это любовь. А она думала, что это удачный контракт.

Мы поженились через восемь месяцев. И вся её псевдолюбовь длилась ровно до того момента, пока я не попросил её убрать телефон.

Валерия вела блог. Даже не блог – летопись нашей жизни. Что мы едим, что пьём, куда летим. Наша спальня, наша ванная, наш завтрак. Я просыпался – а она уже снимала. Я засыпал – а она монтировала. Однажды я нашёл в её сторис фотку нашей кровати после секса. Смятые простыни, два бокала на тумбочке. Подпись: «Доброе утро от Аварских».

Миллионы подписчиков, рекламные контракты, деньги. Моя жизнь стала её контентом.

Когда закончился контракт с НХЛ, я сказал: едем в Россию. «Легион» предложил условия, от которых невозможно было отказаться. Дом, команда, свои.

Валерия отказалась.

– Мне нечего делать в твоей России, – сказала она. – Моя аудитория здесь.

Не жизнь, не семья. Аудитория, блять!

Я подал на развод в тот же месяц. Думал – полгода, и всё закончится. Но судились мы почти четыре года.

Американские адвокаты, казалось, выставляли счета за каждый вздох. Валерия требовала половину всего. Не моих хоккейных денег – это бы ладно. Она копала в сторону финансов семьи. В сторону отца. Активы, счета, недвижимость.

Я несильно напрягался, если честно, пока не попал под следствие...

Вырубаю телик, потираю ладонью лицо. Смотрю на чашку с отваром, как на гранату. Не пью. Отношу на кухню, выливаю в раковину. Шарю по полкам холодильника в надежде найти хоть что-то крепкое.

Сок, молоко, кефир... Твою-то мать!

– Не спится? – раздаётся вдруг за спиной.

Резко оборачиваюсь.

Варвара... Моя симпатичная гостья теперь ещё симпатичнее. В шёлковых брюках и тонкой маечке. Волосы собрала наверх в небрежный пучок, оголив лебединую шейку.

– Решил попить молока. Будешь? – вновь разворачиваюсь к холодильнику.

– Не откажусь.

Беру бутылку, наливаю два стакана. Садимся за стол напротив друг друга. Я разглядываю её, она – меня.

– Я слышала, как ты просил у Марты обезболивающее, – говорит она вдруг. – У тебя что-то болит?

– Да, плечо, – не вижу смысла скрывать.

– Какая-то травма?

– Типа того.

– Ты ведь хоккеист? – спрашивает осторожно.

Прищуриваюсь.

– Сделала вывод, увидев коньки? Или я не похож на футболиста?

– Не похож, – мягко улыбается она. – Слишком мощный.

– Оо, это комплимент? Или как?

– Или как, – прячет взгляд под пышными ресницами. – В какой команде играешь?

– В «Легионе».

– Никогда не слышала, – вновь поднимает на меня глаза.

Удивительно даже, что я делю крышу с той, которая не в курсе моей жизни. Потому что моё грязное бельё, походу, было выставлено напоказ всей стране. Удачное совпадение. Ну или как сказала бы Марта – судьба.

– Так что с плечом? Ты проходишь какую-то реабилитацию? – ведёт взглядом от ключицы к плечу.

– Массаж. Но мой массажист не проедет сюда сегодня.

– Я могла бы размять... – начинает было она, но осекается.

Щёки у неё розовеют.

Но ведь она уже произнесла вслух своё предложение. Ведь это было предложение?

– Разомнёшь? – моментально возбуждаюсь я.

Варя облизывает верхнюю губу, её взгляд становится расфокусированным, а дыхание прерывистым. Походу не один я тут думаю не только о массаже.

– Я закончила курсы массажа, – продолжает она неуверенно. – Но у меня нет медицинского образования. Наверное, зря ляпнула. Вдруг ещё наврежу.

– А я вот как-то уверен, что мне станет лучше.

Допиваю залпом молоко, протягиваю руку.

– Пойдём.

– Сейчас? – звенит её голосок.

Но пальчики уже ложатся на мою ладонь.

– Я не сплю, ты тоже не спишь. Почему бы не сейчас?

Тяну её к себе, и Варя поднимается. Веду девушку в холл, потом на лестницу. Она начинает притормаживать.

– А... мы куда?

– Ко мне. На диване не та жёсткость.

Это не объяснение, конечно. Но в спальне реально удобнее. Не для массажа, само собой.

Поднимаемся наверх, проходим мимо её комнаты в самый конец коридора, к моей спальне. Она у меня большая, с балконом и панорамным окном. За которым сейчас полный апокалипсис. Но как-то уже плевать на это.

Отпускаю её руку, ложусь на кровать, всем телом придавливая стояк.

– Правое плечо, если что. Посмотри в ванной, там есть какое-то масло.

Слышу, как копошится на полках, переставляя тубики. Потом раздаются приближающиеся шаги.

– Будет прохладно, – предупреждает Варвара.

И её ладони уже в масле касаются моей спины.

Фак! Вот это руки... Только от их касания можно позорно кончить в штаны.

Глава 7. Кто-то свыше.

Варя

Шесть лет назад.

Команда едет отдельно, на автобусе. Журналистов везут в импортной машине по типу газели с откатной дверью. Через кресло от меня сидит Дина Пронина с «Матч ТВ», и в живую она ещё эффектнее, чем по телевизору. Яркие зелёные глаза, волосы подстрижены в стильное каре. Осанка прямая, взгляд уверенный, макияж боевой. Она одета ярко и эффектно, словно заранее знала про вечеринку. А я вот выгляжу всё так же, как и была на интервью. Джинсы, футболка, кеды. Ещё короткий пиджак, и он немного сглаживает образ.

Дина говорит по телефону.

— Да, зай, я тебе говорила, что надо было ехать со мной. А теперь вот я оторвусь в компании «Легиона», а ты сиди со своим Серёжей... Нет, я не зубоскалю, это просто факт, — улыбается мне дерзко, кажется поняв, что я ловлю каждое слово, и продолжает: — Аварский? Так конечно. Я же из-за него только и попёрлась. И вообще «Легион» обещает статью за бест теперь, а прошлые годы был в явном проёбе. Надо держаться к ним ближе. Ну ты понимаешь... Ой, ладно, всё. Завидуй молча.

И смеётся так демонически, что меня пробирает до костей.

Скидывает вызов, смотрит на меня в упор.

— Ну и кто ты?

— Варя. Морозова Варя. Из «Спортивного вестника», — слишком жалобно подрагивает мой голосок.

— Это что? Газета?

— Журнал. И у нас есть сайт.

Дина брезгливо кривится.

— Кто вообще читает газеты?

— Читают, Дин, читают, — подаёт голос сзади Юрий Комаров из «Спорт-экспресса».

— Ой, помолчи, Юр. Тебя не спрашивали, — надменно отмахивается Дина.

И Юра замолкает. Лишь через минуту цокает языком и говорит негромко:

— Вот, сука.

Я с Юрой согласна. И эта звезда «Матч ТВ» мне резко разонравилась.

Отворачиваюсь к окну, тереблю пуговицу на пиджаке от нервов. Пятничные пробки угнетают. Мы всё едем и едем. Водитель включает музыку, Дина резко просит его убавить. Вновь кому-то набирает.

— Паш, ты там не отстаёшь? Вы прямо за нами? Хорошо. Хочу, чтобы в камеру попала вся тусовка. И ты это... давай аккуратнее. Сильно не светись.

А, понятно. Оператор Дины не приглашён. Вечеринка «Легиона» не должна стать публичной. Но Дина — тот человек, который всегда нарушает правила. И её интервью всегда самые скандальные.

Оборачиваюсь, бросаю красноречивый взгляд на Комарова. Он лишь закатывает глаза. Тоже слышал Дину.

Наконец прибываем к «Шестёрке». Выгружаемся. Автобус хоккеистов уже здесь и, судя по всему, пустой. Вся команда внутри бара. Хотя баром это место назвать сложно. Скорее уж элитный клуб в два этажа.

Дина подбегает к подъехавшей за нами машине, хватается своего оператора, и они идут внутрь. Камера у этого парня небольшая, можно спрятать под куртку. Неприятный сюрприз ждёт «Легион»...

— Ты идёшь? — спрашивает меня Комаров, а сам закуривает.

— Вместе пойдём, — говорю ему с улыбкой и топчусь рядом.

Он протягивает мне раскрытую пачку, я отказываюсь.

— Не куришь? — поднимает брови, явно удивляясь.

— Неа.

— Может, и не пьёшь? — хмыкает.

— Очень редко.

— Сегодня придётся, — говорит вроде как с сожалением. Станный он. И Дина странная. Не мои люди.

Наконец он докуривает, и мы заходим в «Шестёрку».

Внутри приглушённый свет, кирпичные стены, медные лампы над каждым столом. Барная стойка из тёмного дуба, за ней бармен в чёрной рубашке неторопливо полирует бокал. На стенах — чёрно-белые фото звёзд с телеэкранов. Вроде бы просто спортивный бар, но без дешёвизны. Без пластиковых стульев и экранов в каждом углу. Здесь тихая джазовая музыка, негромкий гул разговоров, люди в пиджаках и явно дорогих часах. Кто-то ужинает, кто-то пьёт виски из тяжёлых стаканов. Место, куда ходят не напиваться, а разговаривать.

— Нам на второй, — пропускает меня Юра, и я начинаю подниматься по лестнице.

Весь второй этаж занят под команду. Здесь темнее, чем внизу. Потолок низкий, обитый мягкими панелями. Вдоль стен — глубокие кожаные диваны, между ними — столики, заставленные бутылками, тарелками, пепельницами. В углу светится синим неоновая вывеска: «6». Музыка глуше, бавовитее, что-то электронное и ленивое. Воздух чуть сизый от сигарного дыма. Пространство как будто создано для того, чтобы развалиться, расслабиться и забыть, что за стенами существует мир.

Парни сидят за столом. Громкие, раскрепощённые — то ли уже подвыпили, то ли манера поведения у них такая. Не знаю.

Оператора Дины не видно. Сама она уже подсела к Сафи-

ну и явно кайфует от знаков внимания всего «Легиона».

Я робко подхожу к столу и попадаю под взгляд Алексея Духова.

— О, блокнотик! — улыбается мне широко и отодвигает соседний стул. — Садись ко мне, не стесняйся.

Обхожу стол, присаживаюсь. Юра тоже находит место, за руку здоровается с теми, до кого дотягивается. Видно, что он им почти родной, на него смотрят добродушно.

Что же ты, родной, не скажешь им о подставе от Дины?

А я вот скажу. Наверное, чуть позже.

Мне приносят какой-то коктейль, хотя я и не просила. Невежливо не пить, и я делаю осторожный глоток. Потом ещё один. Ловлю все разговоры, буквально впитываю атмосферу как губка.

— Лом, ну скажи честно, — Рогов наклоняется через стол, тыча вилкой в сторону Ломова. — Шведки красивее наших или нет?

Ломов молча жуёт стейк. Поднимает глаза. Жуёт дальше. Проглатывает.

— Без комментариев.

— Ну ты скучный, — стонет Рогов.

— Он на русской женился, — замечает Сафин. — Считаю, ответил.

— О! Точно! — Рогов тычет вилкой уже в Сафина. — Вот это аргумент. Шведки в пролёте.

Ломов никак не реагирует. Режет стейк дальше.

За столом разговаривают про женщин, даже в присутствии других женщин — и это меня веселит.

Сафин вроде по кому-то страдает, но не называет её имени. Ломов женился недавно, все это знают. Привёз жену из Швеции сюда. А вот Аварский уехал из Штатов без своей Валерии Аварской. Ранее Эдельвейс. Явный псевдоним, но никто не знает её настоящую фамилию. Она модель и блогер. Очень популярна в Америке. И очень красива, само собой. О причине их развода в России придумывали всякое. И именно сейчас я впервые слышу настоящую версию.

— Да она просто сука, Макс, — утешающе говорит Аварскому Духов. — Понятно, что она за бабками гналась и популярностью. Забей.

— Да я забил. Не силой же её сюда тащить.

— Она что, отказалась с тобой ехать? — спрашивает Дина, её глаза горят.

— Типа того.

— Печаль какая. Вот дура.

Максим коротко отмахивается, тянется за бутылкой виски, наполняет полный бокал. Выпивает всё. Наливает снова. Вижу, что взгляд у него уже кривоват.

Разговоры быстро перетекают в другое русло. Сегодняшний матч и предстоящие в ближайшем будущем игры.

Краем глаза вижу, что Аварский прикладывает к уху телефон и поднимается из-за стола.

— Я щас, — говорит вроде всем и никому.

Уходит куда-то вглубь помещения. За серой дымкой его не видно.

Дина оборачивается, встаёт. И я тоже вскакиваю. Вот сейчас надо остановить её с этой подставой.

Наши дни.

Опускаю ладони на спину Максима. Сама не поняла, как так умудрилась открыть рот и предложить ему массаж. Вот вообще не собиралась. И в итоге сижу на краешке его кровати, руки пропитаны маслом с ароматом ванили, а полуголый Аварский застыл в ожидании.

— Аа, фа-а-ак... — со стоном выдаёт он, когда мои руки плавно скользят по его лопаткам.

А вообще он сказал, что у него что-то с плечом. Причём тут лопатки, Варя? И что ты вообще намерена делать сейчас, имея дурацкий сертификат, выданный после недельных курсов массажа? Пять, блин, лет назад.

Пытаюсь вспомнить хоть что-то. Вожу по спине, разминая его твёрдые скованные мышцы.

Сегодня я уже получила ценную информацию. Травма есть. О ней лишь ходили слухи в медийном поле, но никто не мог гарантировать, что слухи правдивы.

Надавливаю на плечи, проминаю там. Максим вдавливаясь лбом в матрас.

— Больно? — спрашиваю, останавливаясь.

— Нет. Просто... охерительно. Продолжай, — говорит глухо, вжавшись в матрас уже всем лицом.

Продолжаю.

Вновь спина, поясница... И снова плечи, бицепсы, предплечья. Дохожу до кистей, до пальцев. Максим пытается поймать мои, и я двигаюсь выше. И выше. Вновь мну плечи.

— Господи... Марта права, — бормочет Максим. — Тебя и правда послал кто-то свыше.

Замираю.

А вот это вряд ли.

Глава 8. Тот самый взгляд.

Варя

Шесть лет назад

Догоняю Дину у лестницы, касаюсь её плеча. Она вздрагивает и разворачивается.

– Чего тебе? – бросает с неприязнью.

– Команду нельзя здесь снимать, – прямо говорю ей то, что должна.

– Ты что, у меня камеру увидела? – спрашивает насмешливо.

– Твой оператор здесь.

– Где? – разводит руками. – Ты его видишь? Я тоже нет. Ты просто фантазёрка, девочка из «Спортивного вестника».

Она смотрит на меня с превосходством, а я чувствую себя очень глупо. Оператора и правда здесь нет.

Внезапно из дымки выплывает Аварский и так же внезапно обнимает нас обеих. Буквально повисает на нас. От него пахнет парфюмом с древесными нотками и алкоголем. Крепкие руки сжимают так, что сейчас мои кости треснут.

– Девочки... – с жаром выдыхает мне на ухо. А потом в скулу Дины: – Неужели уже уходите?

– Да куда мы уйдём, Максим?

Она кокетливо трётся об него, в то время как я пытаюсь высвободиться. Максим меня отпускает и обнимает только Дину. Слышу, как она воркует:

– Пошли, где-нибудь тет-а-тет поболтаем.

– Мм, заманчиво...

Дина тянет его в сторону. Но он вдруг разворачивается, хватая мою руку, подносит к губам и целует в ладонь.

– Никуда не уходи, Блокнотик, – говорит тихо, с какой-то странной интонацией.

А взгляд пьяный-пьяный.

«Блокнотик». Так меня назвал Духов. Но мне почему-то кажется, что именно Аварский придумал это прозвище. И тогда, после пресс-конференции, выдал приятелю что-то типа: «Иди, позови с нами Блокнотик».

Ну или я нафантазировала лишнего.

Моё глупое сердечко почему-то слишком сильно отзывается на Максима Аварского. Ладонь горит в месте его поцелуя, а щёки пылают.

Тем временем Дина его уводит. Куда? Не знаю. Но собираюсь это выяснить.

Иду за ними...

Наши дни

Перехожу к правому плечу. Пальцы находят уплотнение в мышце. Обхожу его по кругу, мягко продавливая. Максим

шипит сквозь зубы, но не просит остановиться. Значит, терпимо. Работаю медленнее, чувствуя, как напряжённые мышцы постепенно поддаются. Вспоминаю кое-что из тех давних курсов – не тянуть на себя, давить весом тела, не пальцами. Можно локтем, если аккуратно. Пробую. Максим выдыхает тяжело, но расслабленно.

Минут через пять плечо становится мягче. Или мне кажется. Я не врач, не массажист. Я – журналистка, которая когда-то потратила неделю отпуска на курсы массажа, потому что у бабушки болела поясница. А теперь вот эти знания пригодились и в профессии тоже.

Жизнь – странная штука.

Максим поворачивает голову и, прижавшись щекой к матрасу, смотрит на меня. В комнате довольно темно, а его глаза странно блестят. Завораживающе. Так же, как шесть лет назад, когда он просил меня не уходить.

– Ты можешь сесть на меня, – говорит он хрипло.

– Мне и тут нормально.

– А если я подвинусь? – теперь его голос звучит с лёгким вызовом.

И он действительно сдвигается ближе к центру кровати. Со своего края я уже не дотягиваюсь до всей его спины.

– Что ж... Ты, наверное, больше не хочешь массажа, – изрекаю я, собираясь подняться.

Он ловит мою руку, тянет обратно.

– Хочу, – говорит с придыханием. – Хочу массаж.

Но звучит это так, словно не только массажа он хочет. И мне бы, дуре, сбежать надо. Но я забираюсь на кровать, встаю на колени и продолжаю мять его плечи и спину.

Не сажусь на него, как он того хочет. Но всё равно оказываюсь очень близко к его раскалённому телу.

Максим ёрзает, постанывает. Его рука то и дело невесомо касается моего бедра. И он ещё умудряется каждый раз выдыхать «прости», словно не делает это специально.

– Будем считать, что массаж – это твоя плата за моё гостеприимство, – бормочет Аварский. – Два раза в день.

– Хорошо. Так что случилось с плечом? – пытаюсь вести себя как журналист на задании, а не поплывшая от этого хоккеиста фанатка.

– Травма, – говорит он то же, что и раньше.

Просто травма.

Когда она произошла? На последних матчах точно не было сильных столкновений.

Решаю больше пока не допытываться. А Максим вдруг переворачивается, и я не успеваю отстраниться. Он ложится на спину, перехватывает мои масляные руки и не отпускает.

У меня всё внутри обрывается.

Максим смотрит на мои ладони. Разворачивает правую, проводит большим пальцем по центру. Медленно, как будто читает линии. Потом левую. Так же медленно. Гладит каждый палец от основания до кончика. Указательный. Средний. Безымянный.

Я не дышу. В центре груди что-то плавится. Внутренности сворачиваются в тугой узел.

Аварский до сих пор имеет на меня влияние! До сих пор! А ведь шесть лет прошло!

– Максим... – мой голос звучит как наждачка. – Я пойду.

Не могу вырвать руку. Не получается.

– Мак...

– Шш... – обрывает он меня.

Разглядывает мои руки так, словно изучает инструмент, который только что сделал ему хорошо, и пытается понять – как. Как эти обычные руки умудрились снять боль.

– У тебя маленькие руки, – говорит он, не поднимая глаз.

– Знаю.

– И сильные.

Молчу. Потому что если открою рот – голос дрогнет, и он всё поймёт.

– Спасибо, – говорит тихо.

И поднимает взгляд.

Лучше бы не делал этого. Сейчас он смотрит именно так, как тогда, шесть лет назад. А я прекрасно помню, что последовало за таким взглядом.

Вытягиваю свои руки и встаю.

– Спокойной ночи, Максим.

– Спокойной ночи...

Выхожу, прикрываю дверь. Иду по коридору к своей комнате. Руки пахнут ванильным маслом. Пальцы всё ещё пом-

нят тепло его ладоней.

Захожу к себе, тщательно отмываю руки, потом сажусь на кровать и беру за телефон. Открываю заметки. Пальцы зависают над экраном.

«Травма плеча подтверждена. Серьёзная. Скрывает от прессы».

Записываю. Это моя работа. Я для этого здесь.

Отложив телефон, ложусь и смотрю в потолок.

Да, я здесь только из-за работы...

Глава 9. Плечо.

Аварский

Первое, что понимаю этим утром – плечо не болит. Вот совсем. И я боюсь сделать лишнее движение, выпутываясь из одеяла и поднимаясь с кровати.

И ещё одна ошеломляющая новость – на часах десять утра. Я не помню, когда спал последний раз так долго.

Врубаю воду в душе, скидываю одежду. В мыслях всякое. Но теперь это не предстоящая пресс-конференция и должность, от которой собираюсь отказаться. Теперь в мыслях Варя и то, как она хороша. И речь не только об её золотых ручках, но и о внешности. И я её хочу.

Делаю воду прохладнее, захожу в душевую, закрываю глаза. Ммм... Как много всего интересного нас ждёт, Варюша. Пора включать свою суперсилу – обаяние от Аварского. Никто и никогда не мог устоять, и ты тоже не сможешь.

Из комнаты выхожу прям в боевом настроении. Стучусь в заветную дверь и, не дожидаясь ответа, сразу её открываю. Но в комнате пусто. Кровать застелена, на покрывале лежат аккуратно сложенные вещи. Похоже, шёлковая пижама. На полу – её сумка.

Делаю шаг внутрь комнаты и глубоко вдыхаю. Здесь пахнет Варей. Тоненьким ароматом её парфюма, который сей-

час стоит на тумбочке.

Бросаю взгляд на окно. За ним всё ещё бушует метель, а значит, синоптики не обманули. Армагеддон продолжается.

Вижу часть ворот и за ними – голубое пятно. Её Ока. Странно, что она ещё не превратилась в сугроб.

И тут замечаю какое-то движение и приближаюсь к окну. Да твою ж мать! В сугроб сейчас превратится не эта игрушечная тачка, а сама Варвара. Она на улице. Гребёт снег своей игрушечной лопатой.

Зачем? Ты куда-то собралась?

Не выйдет!

Иду вниз, надеваю куртку, обуваюсь. Из кухни как раз выплывает Марта, что-то бормоча на армянском.

– По-русски, – прошу её.

Она вздрагивает. Не ожидала меня здесь увидеть, и бормотала явно не мне.

– Максим, – она деловито складывает руки на груди, – ты зачем гостью обидел?

Обтекаю.

Я? Когда?

– А подробности будут? – прожигаю взглядом домработницу.

– Она намерена уехать. По такой погоде. Ясно же, что ты её обидел. Господи, дай немного благоразумия этим двоим, – поднимает взгляд к потолку и начинает вновь причитать на армянском.

А я распахиваю дверь и выхожу в зимний Армагеддон. Снег сразу летит в лицо. Он колючий и больно лупит по коже. Пробираюсь к калитке. Нахожу Варю с большим трудом. За стеной снега вообще ни черта не видно.

– Эй! – зову её. – Ты сумасшедшая?

– Что? – кричит она в ответ.

Оказавшись за калиткой, тяну к ней руки. А она ко мне. Вокруг нас бушует метель. Пряди её волос, выбившиеся из-под шапки и раздуваемые ветром, хлещут меня по лицу. Наши пальцы переплетаются. Её мягкие перчатки уже мокрые. Наклоняю голову. И ещё ниже. Так, чтобы наши лица были на одном уровне. Так, чтобы капюшон моей куртки закрыл и её голову. И вот когда наши лица оказываются почти в безопасном коконе, шепчу напротив её губ:

– Ты сумасшедшая?

– Почему? – отзывается тоже шёпотом.

– Это же очевидно. Кто в здравом уме захочет уехать?

– Непогода закончится... – начинает было она, но я перебиваю.

– Кто в здравом уме захочет уехать от меня?

Её глаза удивлённо расширяются, и Варя отшатывается. В лицо тут же лупит снег. И я стою и обтекаю второй раз за это утро. Ибо моё обаяние не подействовало. А раньше работало на всех без исключения.

Что-то недовольно фыркнув, она вновь берётся за лопатку и начинает расчищать снег возле колеса.

Ну это же, блять, смешно. Ну раскопает она свою игрушечную тачку, допустим. И что дальше? Дорогу тоже этой лопаткой будет расчищать?

Подхожу ближе, хватаю девушку за локоть, останавливая.

– Перестань! Ты просто замёрзнешь и простынешь. Что за героизм с самого утра?

– Если оставить всё как есть, я её до весны не откопаю.

Варя вырывается, но я вновь её хватаю и оттаскиваю от машины.

– Я сам тебе её откопаю. Или трактор найму. Всё, завязывай. И пошли в дом.

Вывав из её рук лопатку, швыряю куда-то в никуда. Она тут же теряется в белой пелене.

– Отлично! Теперь я без лопатки! – кричит на меня Варя.
– Да что ты себе позволяешь, а?

Её волосы, торчащие из-под шапки, уже превратились в снежные сосульки.

– Марта сказала, я тебя обидел. Скажи, как?

Мы стоим нос к носу, сверля друг друга глазами. Вокруг нас бушует непогода, а вот между нами что-то совсем другое.

– Марта не так меня поняла, – отвечает Варя.

Но, походу, она и правда обижена. Иначе как объяснить этот бунт с откапыванием машины?

– Ну раз никто не обижается, тогда пошли в дом, – продавливаю тоном.

Варя вся полна сомнений, это видно. Кусает губы, опустив

взгляд. Её ресницы мокрые от тающего снега. Капля ползет по розовой щёчке, и это зрелище неожиданно кажется мне красивым.

– Варя, да не уедешь ты сегодня, – говорю уже более добродушно, держа её за плечи. – Ты здесь на пять дней. Я предупреждал.

Она вскидывает на меня воинственный взгляд.

Ого! Видимо, пешком сейчас уйдёт. Но мне непонятна причина таких разительных изменений. Это после массажа она такая? Я перегнул с подкатами?

Короче, придётся действовать жёстче.

Закидываю её на плечо и несу в дом.

– Максим, это уже слишком! – кричит она, дрыгая ногами.

Хочется припечатать ладонью ей по пятой точке. Если не перестанет дёргаться, мы упадём.

Наконец захожу в дом со своей ношей. Ставлю Варю на пол и...

– Фак!

Плечо простреливает дикой болью.

Выдыхаю сквозь сжатые зубы и поворачиваю в сторону гардеробной. Не привык показывать кому-то боль. Только Марте можно видеть меня уязвимым. Она всё равно в мою боль не верит.

Стягиваю куртку. Разминаю плечо, трясую рукой.

Это как воспалённый нерв, который зудит и ноет где-то глубоко, а ты никак не можешь до этого места дотянуться.

– Болит? – вырастает передо мной Варя.

– Из-за тебя, – роняю сухо.

Не глядя, швыряю куртку в гардеробную и отворачиваюсь. Собираюсь уйти.

– Сегодня опять массаж сделаю, – тихо, очень тихо, словно сдаваясь, говорит Варвара.

Я беззвучно усмехаюсь.

– Конечно. И завтра... И послезавтра тоже.

Из кухни выглядывает Марта и, хитро улыбаясь, произносит:

– Ну раз никто не уезжает, садитесь завтракать.

Глава 10. Нельзя чувствовать.

Варя

Шесть лет назад

Иду за ними вниз, держась на расстоянии. Музыка становится громче, свет тусклее. Здесь, в глубине клуба, на первом этаже начинается зона випов – кабинки, отгороженные тяжёлыми шторами. Дина тянет Аварского за руку, он послушно плетётся следом. Они ныряют за бордовую штору, и та задёргивается.

Останавливаюсь. Стою, как дура, посреди прохода, не понимая, что должна делать дальше. Ворваться к ним? Это, наверное, слишком...

И тут боковым зрением цепляю знакомый силуэт. В соседней кабинке, через проход, штора откинута наполовину. Внутри сидит парень в чёрной толстовке, перед ним на столе – стакан колы и камера.

Оператор Дины. Сидит спокойно. Никуда не торопится. Ждёт.

Значит, я не фантазёрка. Значит, не придумала. Он здесь, и он здесь не случайно. Дина его спрятала в соседнем випе, чтобы в нужный момент – что? Позвать? Дать сигнал? Снять Аварского пьяного, расслабленного, не готового к сложным

вопросам?

Мне мерзко от таких журналистов, как Дина. Ради сенсационных новостей они готовы на всё. Ну просто полнейшее отсутствие принципов.

Сердце бешено колотится от волнения. Я оборачиваюсь на бордовую штору, потом снова смотрю на оператора. Он откладывает телефон, берётся за камеру...

Решение приходит быстро. Может, слишком быстро. Может, я потом пожалею. Но сейчас просто отдёргиваю штору випа и вваливаюсь к уединившейся парочке.

Дина сидит рядом с Аварским, очень близко, почти на нём. Её рука на его колене, голова наклонена к его лицу. Она тихо что-то говорит. Максим откинулся на спинку дивана, глаза полуприкрыты, на губах ленивая улыбка.

Оба поднимают на меня глаза. Дина смотрит с явным бешенством. Максим взирает с пьяным любопытством.

– Блокнотик? – тянет он. – Ты чего?

– Выйди отсюда! – шипит Дина.

Я смотрю только на Аварского. Потому что говорить нужно ему.

– Её оператор сидит в соседней кабинке, – тычу пальцем в сторону девицы.

– Ты бредишь! – тут же взвывается она. – Максим, она бредит. У неё паранойя.

– Её... оператор? – повторяет заторможенно Аварский.

– Да. И у него камера, – киваю я.

Максим переводит взгляд на Дину. Улыбка не исчезает с его губ, но меняется. Становится какой-то опасной.

– Дин, – говорит он, – серьёзно?

– Это бред, Макс. Я бы не...

– Всё, – перебивает он её.

Упирается локтями в стол. Трёт лицо ладонями. Потом поднимается. Его качает чуть-чуть, но он выправляется и выходит из кабинки. Я слышу, как он отдёргивает соседнюю штору.

Какая-то возня, потом стон. Потом голос Максима:

– Ещё раз увижу – хребет переломаю.

Дина прожигает дыру в моём лице своим убийственным взглядом.

– Ты посмотри, какая тихушница, а? – цедит сквозь зубы.

– Вся такая моль робкая, а на деле...

– Правила для всех одинаковые, – ввинчиваю я. – Сказано – без съёмки, значит, без съёмки.

– Ну я тебе устрою, – обещает мне Дина, прищуриваясь.

Максим возвращается, но не садится. Смотрит на Дину сверху вниз. Она старается держать непроницаемое лицо.

– Ты в курсе, что я тебя по судам затаскаю? – говорит он почти ласково.

– Максим, послушай...

– Пошла вон, Дина.

Нет, Аварский не кричит. И вроде бы даже не злится. Скорее, он хочет растоптать Дину, словно насекомое, потому что

ему противно от её присутствия в одном с ним помещении.

Дина встаёт, подхватывает сумочку. Проходя мимо меня, обдаёт таким взглядом, что аж кожу обжигает. Но не говорит ни слова. Рывком отодвигает штору и выбегает из випа.

Мы остаёмся вдвоём. Максим стоит посреди кабинки, покачиваясь. Смотрит на меня. Взгляд всё такой же пьяный-пьяный, но в нём что-то новое. Что-то тёплое.

– Блокнотик, – говорит он с улыбкой. – Ты... молодец. Такое мы одобряем.

– Я просто...

Он берёт мою руку и переплетает наши пальцы. Мои руки от волнения начинают подрагивать.

– Давай сбежим, – говорит он тихо. – Надоело всё. Пошли...

Господи, куда?

Но он настойчиво тянет за собой, и я подчиняюсь. Не могу противостоять его напору.

Мы выходим на улицу. Максим тянет меня к дороге, начинает ловить машину.

– Подожди, там же вся твоя команда, – трясущего его за руку.

Он не реагирует, лишь сильнее стискивает мои пальцы.

– Максим... ну куда мы сбежим? – уже немного канючу я, растерявшись.

Чего он от меня хочет?

Максим резко разворачивается, отпускает мою руку, но тут же ловит моё лицо ладонями и подаётся так близко, что

наши носы соприкасаются.

– Эй... эй, малышка, ты чего? – говорит завораживающим шёпотом. – Ну куда ты собралась? Ну кто от меня в здравом уме уходит, мм?

И так мило улыбается, что я почти не разбираю слов.

Зато потом их вспомню. И буду вспоминать часто. Очень часто...

Наши дни

Максим сидит напротив и с азартом поедает блинчики. А у меня кусок в горло не лезет. Пью свежесваренный Мартой кофе и с благодарностью поглядываю на домработницу, которая всё добавляет и добавляет на стол разные блюда. Сырники, нарезку буженины, хлеб...

– Ты кушай, кушай, – гладит меня по плечу Марта. – Вон какая худенькая. И бледная, – вглядывается в моё лицо, качает головой. – Вай-вай-вай, какая бледная!

Куда-то убегает. А возвращается со стеклянной бутылкой с красной жидкостью внутри.

– Гранатовое, – ставит передо мной бокал на высокой ножке. – По рецепту моего отца.

Наливает в бокал вино. Я в таком раздрае, что даже не сопротивляюсь особо.

Ночью почти не спала. Воспоминания мучили. А этим утром в приступе какой-то истерики пошла откапывать ма-

шину, прекрасно понимая, что это не поможет. Отсюда сейчас убраться можно только пешком. И надеяться на чудо – что по дороге не превратишься в сугроб.

А Максим бесцеремонно притащил меня обратно в дом.

Мне нельзя к нему ничего чувствовать. Ни сострадания из-за травмы, ни чего-то глубже. Вообще ничего. Потому что он – моя работа.

Но я, похоже, чувствую.

Глава 11. Ганнибал.

Аварский

Варвара пьёт вино, и это к лучшему. Хочу её немного пьяненькую и на всё согласную. После завтрака увожу её в гостиную, усаживаю на диван, вручаю бокал с вином.

– Да мне хватит уже... – пытается отказаться.

– Не, пей. Тебе надо. Лучше вино, чем лекарство, – щёлкая кнопками пульта, листаю коллекцию фильмов для уютной атмосферы. – Ты сколько лопатой там махала, кстати?

– Да всего полчаса, – ставит бокал на низкий столик.

Всучиваю обратно.

– Полчаса – это много. Переохлаждение могла получить. Пей, расслабляйся. Считай, что у тебя постельный режим.

– Постельный? – она скептически выгибает бровь.

Явно намекая, что мы как бы не в постели. Но это пока. Загадочно усмехнувшись, продолжаю искать кино.

– Какого режиссёра предпочитаешь?

– Мне всё равно, – говорит она и делает глоток вина.

Надо срочно попросить Марту, чтобы принесла ещё. Пусть достаёт всё, что есть, из своего тайника.

Нахожу лайтовую комедию, включаю. Варя вновь ставит бокал на стол.

– Я и правда замёрзла, – показательно обнимает себя за

плечи. — Лучше приму душ, потом лягу под одеяло. И мне бы нужно по работе выйти в интернет. Здесь же есть вайфай, да?

— Есть. Скажу пароль, если согласишься со мной кино, — начинаю торговаться. — Но в душ я тебя отпущу. Иди и возвращайся.

Варя уносится так, словно я за ней гонюсь.

Отпустил, потому что не хочу этих джинсов и свитера на ней. Хочу шёлковые штанишки и майку. Жду...

Марта всплывает в гостиную и пытается забрать бокал. Вырываю из её рук.

— Это же лекарство. Принеси лучше ещё. Закуски организуй, фруктов. Мы на этом диване на весь день, если что.

И теперь уже Марта скептически выгибает бровь.

Нет, а что за сомнения, я не пойму?

Хмуро смотрю на домработницу, а она вдруг заявляет:

— Ты бы побрился сначала, прежде чем девушку охмурять.

Провожу ладонью по щеке. Стадия щетины уже прошла, и теперь уже почти борода. Никогда бородатым не ходил.

— Я бреюсь, ты несёшь вино, — бодро подсакиваю с дивана.

Подставляю ладонь, но Марта медлит...

— Ну? Ты же сама сказала, что Варю бог послал. Для меня.

— Ну послал, — говорит недовольным тоном. — Но не для того, что ты там себе напридумывал.

— Так я хочу выяснить, для чего. Поможешь?

Всё-таки даёт мне пять, потому что я так и держу перед

ней раскрытую ладонь.

– Вот и славно, – ухмыляюсь я.

Плечо, может, и болит, но сил во мне просто через край. Азарт и желание жить вновь проснулись.

Поднимаюсь наверх, медленно прохожу мимо спальни Вари, борясь с желанием заглянуть. Но нет... Иду к себе.

Бреюсь. Не станком, а машинкой, оставляя излюбленные три миллиметра волос. Даже на висках умудряюсь аккуратно поправить стрижку. Умываюсь, смотрю в зеркало.

– Ну красавчик же, да? – спрашиваю у отражения.

Если быть совсем уж честным, то в зеркало я не заглядывал неделю. И сейчас на меня смотрит слегка осунувшееся лицо. Потому что бухал и забывал жрать.

Переодевшись в спортивные штаны и свежую футболку, спускаюсь вниз. А Варя уже здесь. Пьёт вино и выбирает фильм.

Мм, как хорошо всё начинается.

Хотя не на все сто, потому что Варя спрятала половину своего тела за какой-то огромной и бесформенной розовой кофтой.

– Вот этот хочу.

Она врубает кино и переводит на меня взгляд, и тут же удивлённо вскидывает брови, заметив мой апгрейд. Но никак не комментирует. Сажусь рядом с ней и кладу руку на спинку дивана.

Из начальных титров понимаю, что за фильм, и охреневаю

слегка.

- Серьёзно? Молчание ягнят? Ты в курсе, что это...
- Да, ужастик, – перебивает меня.
- Это не ужастик. Это кровь, внутренности, мозги...
- Я давно хотела пересмотреть все части, – отмахивается

Варвара.

- Ну окей.

Хотя я рассчитывал на что-то лёгкое и романтическое в начале. И на горячее и пошлое в конце.

Смотрим целый час эту муть, почти не двигаясь и не меняя позы.

Появляется Марта, накрывает прямо на журнальном столике. Вино, закуска в виде фруктов и сыра. Мне приносит не бокал, а чашку со своим отваром.

- Для твоего плеча, – ввинчивает ехидно.

Я собирался уволить её раз сто за последнюю неделю, а сейчас хочу в сто первый.

Продолжаем смотреть. На экране Кларисса Старлинг спускается в подвал к Лектеру. Варя подтягивает колени к груди и обхватывает их руками. Делает глоток вина.

- Ты чего сжалась? – спрашиваю. – Страшно?

– Нет, – отвечает, не отрывая взгляда от экрана. – Просто холодно.

Придвигаюсь ближе, опускаю руку со спинки дивана ей на плечо.

- Тогда буду тебя греть, – воркую ей на ушко.

Варя напрягается, но не отстраняется.

На экране Лектер произносит своё знаменитое про печень и бобы. Варя хмыкает.

– Что смешного? – удивляюсь.

– Да вспомнила просто. Мы с подругой в универе пересматривали это раз десять. Цитировали потом друг другу.

– Цитировали Ганнибала Лектера?

– Ну да. А что?

– Ты какая-то уникальная, Варюша.

Она резко поворачивается и смотрит на меня так, будто я её оскорбил.

– Я сама обыкновенная, Максим, – заявляет, убирая мою руку со своих плеч.

Сижу обтекаю, закинув руку обратно на спинку. Морозится от меня Варвара, это и дураку понятно. А в чём причина? Может, парень есть?

Она допивает вино. Я тут же подливаю ещё.

Фильм всё тянется. Кларисса бежит по академии, Лектер манипулирует, Буффало Билл шьёт себе костюм из кожи. Варя постепенно расслабляется, откидывается назад. Её затылок почти касается моей руки.

Финальная сцена. Кларисса в темноте, убийца в приборе ночного видения тянет к ней руку. Варя вздрагивает, и я машинально сжимаю её плечо.

– Вот этот момент всегда бесит, – бормочет она. – Почему она не слышит его дыхание?

– Потому что кино.

– Нелогично!

– В жизни тоже редко бывает логично. Например: ты и я в этом доме – совершенно нелогичный сценарий. Я планировал быть тут один, а ты случайно врезалась в мой забор. И я тебя впустил. А теперь смотрю дурацкое кино, и это – вообще полное отсутствие логики.

Вообще-то я пытаюсь пошутить, но Варя вдруг резко выпрямляется и встаёт.

– Ладно, спасибо за компанию, – говорит бодренько. – Пойду поработаю немного. Скажешь мне пароль от вайфая?

– Стоп, – ловлю её за запястье. – Так не пойдёт.

Тяну обратно на диван, и она, не удержавшись, плюхается рядом. Сейчас я замечаю, что вино дало свои результаты, и Варя смотрит на меня слегка захмелевшим взглядом.

– Мы же договаривались... – начинает она неуверенно.

– Ты же хотела все части пересмотреть. Так что смотрим. Ганнибал ждёт. Прямо раззадорила меня этим чудненьким кино.

– Максим, я не думала, что прямо сейчас...

– Прямо сейчас. Всё. Шш...

Обняв Варю за плечи, включаю вторую часть. Варя снова подтягивает колени к груди и тянется к бокалу. Руку мою не скидывает.

Ну спасибо, Ганнибал. Прямо помог.

Глава 12. Гад!

Варя

Третий бокал был лишним. Нет, четвёртый. Или пятый? На втором фильме я перестала считать, и это плохо. Это очень плохо, Варя.

А тем временем мы уже смотрим третий фильм. За окном темнеет. Мы сидим на этом диване часов шесть, и мне пора валить наверх. Давно пора. Часа четыре назад было пора.

Но я не ухожу. Я подобрала ноги под себя и сижу, привалившись щекой к его плечу. Его рука лежит на спинке дивана, то и дело сползая на мои плечи, и иногда пальцы будто случайно касаются моих волос. А я как будто привыкла вот к этим касаниям. Расслабилась так, словно не сижу рядом с человеком, который чертовски опасен для моего бедного сердечка.

Когда он спустился сюда без бороды и в чистой футболке, у меня внутри что-то болезненно заныло. Потому что в посвежевшем Максиме я увидела того самого парня шестилетней давности. Тогда я очень сильно пыталась перед ним устоять.

А может, и не пыталась...

Не думать об этом. Надо срочно вспомнить, зачем я здесь.

Сажусь прямо, скашиваю глаза на Максима, а он, оказы-

вається, в упор смотрит на меня.

– Училка детского садика, которая любит смотреть такой лютый треш, – медленно произносит он и морщится, глянув на экран.

– Я не в детском садике работаю, – поправляю его и выдаю свою легенду. – Дошколят я учу в частном заведении. Там разные кружки и вот есть подготовка к школе. Меня взяли недавно, и я очень довольна.

Изображаю сияющий вид.

А может, я просто сияю от выпитого.

Но, скорее всего, причина в другом...

– Нормально платят? – спрашивает Максим буднично.

– Вполне.

– И тебе нравится с детишками?

– Да.

– А своих чего не заведёшь? Замуж-то не собираешься, кстати? – теперь его взгляд испытующий и нетерпеливый.

Я могла бы придумать ещё одну легенду. Сказать, что у меня есть жених. Обезопасить себя от Аварского максималь-но. Но... Я качаю головой и выдыхаю:

– Жениха нет.

Максим криво усмехается и притягивает меня к себе, обняв за плечи.

– Смотри свою кровяку, училка.

Ещё и вдавливая меня щекой в свою грудь. И от него так пахнет... Так остро, приятно, немного агрессивно и очень по-

мужски. Как тогда.

На экране кровь. Много крови. Делаю глоток и чувствую, как вино тёплой волной проходит по телу. Голова плывёт. И вылезает наружу то, что я пыталась заталкивать вглубь с того момента, как увидела его спустя столько лет.

Шесть лет назад

Такси останавливается, Максим запикивает меня внутрь, плюхается следом, хлопает дверью.

– Куда едем-то? – оборачивается водитель.

– Прямо. Я скажу.

Довольно рассмеявшись, Максим откидывается на спинку сиденья, не выпуская моей руки.

– Максим, ну куда мы? – продолжаю немного канючить.

– Тебя команда потеряет.

– Тс-с... – прикладывает палец к моим губам. – Не порти сюрприз.

Сюрприз? Для меня?

Через пять минут он говорит водителю:

– Тормозни здесь.

Мы выскакиваем у винного магазина с яркой вывеской и заходим внутрь. Максим сразу направляется к стеллажу и тыкает пальцем в бутылку, продавец достаёт. Что-то говорят про год, про регион – я не вслушиваюсь. У кассы он кидает в пакет ещё плитку шоколада в чёрной обёртке с золотом.

Платит, не глядя на чек.

– Пошли.

– Куда пошли?

– Гулять.

На улице снова ловит машину. Снова едем. Я не успеваю за ним – он как ветер, как вихрь. Я только и делаю, что хватаюсь за его рукав и смеюсь, потому что не знаю, что ещё делать.

Как себя вести рядом с самим Аварским, а?

– Стой! Здесь тормози, – вновь останавливает такси.

На этот раз он затаскивает меня в цветочный магазин. Максим идёт вдоль ведёр с цветами, общается с продавщицей.

– Это. И это. Вон те давайте. И розы белые, – поворачивается ко мне. – Ты любишь белые розы?

Но я не успеваю ответить. Он уже вновь говорит женщине за прилавком:

– Сколько у вас их? Все давайте.

– Максим! – я уже хохочу в голос. – Зачем? Куда мы это всё?

– С собой.

– Мы их в такси не запихнём!

Он замирает с букетом пионов в руке. Лицо становится задумчивым.

– Доставка есть у вас? – разворачивается к продавщице.

– Есть.

– Адрес говори, – кивает мне.

– Чей адрес?

– Твой! Чей же ещё.

И я, как зачарованная, диктую адрес.

– Всё везите. К утру чтоб были на месте, – говорит продащице, отсчитывая купюры.

На улице он берёт меня за руку и тянет дальше.

– Теперь куда?

– На воду.

– Куда?!

– Увидишь.

Через двадцать минут мы стоим на причале Москвы-реки. На воде покачивается белая прогулочная яхта. Максим что-то говорит человеку у трапа, тот кивает, и нас пропускают на судно.

Внутри почти пусто. Диваны, столики, тихая музыка. Нам приносят бокалы, открывают ту самую бутылку. Яхта отчаливает.

Я стою у окна и смотрю, как берег уплывает назад. Максим подходит, вручает мне бокал и кладёт подбородок на моё плечо.

От него так вкусно пахнет. Не только алкоголем, но и очень приятным парфюмом. Очень... приятным.

– О чём думаешь, Блокнотик? Надеюсь, обо мне?

Разворачивает меня к себе. Заправляет мне волосы за ухо. Долго заправляет. И смотрит прямо в глаза. Пьяно щурится,

улыбаясь.

– Красивая ты, Варя. Жуть, какая красивая.

И я, ощущая трепет в своей груди, понимаю... вот прямо в эту секунду понимаю – я в него влюбляюсь. Бесповоротно. И буду потом много лет себе врать, что не было такого.

А было.

Наши дни

– Варя...

Вздрагиваю. Макс зарывается пальцами в мои волосы. Мы уже не сидим, а практически лежим. И я почти на нём.

Фильм идёт, но я не помню последние минут пятнадцать. И не помню, как позволила себя уложить.

– Спишь? – мурлычет Максим, перебирая прядки моих волос.

– Нет. Задумалась.

– Надеюсь, обо мне? – хмыкает.

Я пытаюсь подняться с его груди, но он удерживает меня на месте. Тогда я задираю голову, чтобы смотреть ему в глаза. Но лучше бы не смотрела.

Даже его глаза знают, как надо смотреть, чтобы любая прям в ту же секунду ему отдалась.

Пикапер чёртov!

– Не надо, – говорю тихо, но твёрдо.

– Чего не надо? – изображает наивное удивление.

– Вот этого всего. Мы даже толком не знакомы...

– Мы сейчас знакомимся, – перебивает Максим. – Тебе неприятны мои прикосновения?

Гад! Какой же он гад!

Молчу. Потому что не могу ответить положительно на его вопрос. И отрицательно тоже. Не говорить же вслух, что его прикосновения – это чистейший кайф?!

Обойдётся.

– Ну вот. Тебе приятно, мне – тем более, – Максим делает свои выводы. – Давай, ложись обратно. Скоро это месиво закончится, и мы будем смотреть мой любимый фильм.

– Когда фильм закончится, я пойду наверх.

– Нет. Я тут мучаюсь, глядя на кровь, мозги и кишки, – силой укладывает меня на себя. – Ты помучаешься, смотря моё любимое кино. А потом, так и быть, я дам тебе пароль от вайфая.

Ещё раз гад!

– Какое кино?

– Сюрприз.

Я очень надеюсь, что ничего пошлого Аварский не включит. Хотя... он может!

Ой, мне определённо надо выпить ещё.

Глава 13. Бой ещё не окончен.

Аварский

«Ганнибал» наконец заканчивается, и я тянусь за пультом. Варя сразу напрягается у меня на груди, приподнимает голову и смотрит настороженно.

— Какой будет фильм?

— Подожди...

Нахожу нужный фильм, и на экране сразу вспыхивает заставка. «9 1/2 Недель».

Варя переводит на меня ошеломлённый взгляд.

— Ты серьёзно?

— Вполне.

— Это же...

— Классика, — заканчиваю за неё. — Ты, кстати, смотрела?

— Да. И...

— Не начинай, — пытаюсь уложить её обратно, припечатывая щекой к своей груди. — Или ты думала, что я включу... ммм... например, боевик?

— Нет, я как раз не очень удивлена фильмом по содержанию, — бубнит она. — А вот сам выбор фильма...

— Всё, шшш...

Она фыркает и щипает меня за бок. Умудряется вскочить,

когда я ослабеваю хватку, и смотрит взглядом победителя.

Ну пусть смотрит. Допустим, сейчас она победила. Но бой-то ещё не окончен.

Варя тянется к бокалу, пьёт вино, сидя на краю дивана. Я разваливаюсь на подушках.

— Иди сюда, тут удобненько, — зову её.

— Тут тоже хорошо, — отмахивается от меня.

Перекусывает... или, может, закусывает, потому что вино Марты явно вскружило ей голову. Тут, кажется, моя домработница отработала на пять с жирным плюсом.

Теперь мы пьяненькую Варю будем саботировать на секс при помощи эротических сцен на экране.

Гениально же!

Фильм идёт ровно, спокойно, без напряжения. Нью-Йорк, музыка, симпатичная актриса...

При сцене, когда герой в шутку пугает героиню, Варя, кажется, смотрит более заинтересованно.

Я не могу удержаться.

— Ничего не напоминает, мм? Тут только ты и я. Никто тебя не услышит, Варвара, — придаю голосу таинственности и цитирую героя.

Она поворачивается ко мне, скептически выгибает бровь.

— Героиня, кстати, сразу ушла после его слов, — тычет пальцем в экран. — И ты уверен, что никого, кроме нас, тут нет? Тут, к счастью, есть Марта.

— Зря ты ищешь в ней соратника, — парирую в ответ и

вновь перевожу взгляд на экран.

А хочется добавить, что Марта потеряется в стенах этого дома, когда я буду сладенько трахать Варю.

Когда начинается сцена со льдом и с завязыванием глаз, я уже не смотрю на экран. Мой взгляд уползает на Варвару.

У девушки чуть розовеют уши, и она стискивает пальцами край своей безразмерной кофты.

Допивает вино, пересаживается чуть ближе ко мне. Я тяну её за локоть, заставляя лечь. Но Варя не ложится на меня, а пристраивает затылок на подушку. Теперь мы лежим плечо к плечу. Мне этого чертовски мало...

И тут первая откровенная сцена: секс на столе. Жаркий, почти животный.

Варя смещается к подлокотнику и меняет позу. Теперь она полусидит, полулежит. Я двигаюсь, повторяю за ней, плююсь на её профиль под звуки секса актёров.

— Ты же так хотел это кино, почему не смотришь? — бормочет она.

— У меня своё кино. А ты смотри туда.

Она прикрывает глаза, ресницы красиво трепещут.

— Не сопротивляйся, — шепчу ей у виска. — Ты же хочешь посмотреть.

Открывает глаза.

— Фильм про подчинение? Нет, я не хочу его смотреть. Я его вообще не понимаю, — обиженно надувает губы. — Почему он такой? А почему она такая? Что он от неё хочет?

— А ты так глубоко не копай, — советую ей. — Просто смотри.

— Окей, — сдаётся с недовольной миной. — Что ни сделаешь ради вайфая.

Фильм идёт дальше. Персонажи всё глубже погружаются в свою игру. Контроль, подчинение, желание. Она злится, но не уходит. Он ведёт, и она позволяет. Я ловлю себя на том, что мне нравится не сам фильм, а то, как Варя на него реагирует.

На то, как она дышит чуть быстрее.

На то, как старается не смотреть на меня.

На то, как упрямо держит лицо непринуждённым, хотя внутри, очевидно, у неё уже всё давно сбилось с привычного ритма.

Во время очередной откровенной сцены Варя переводит на меня взгляд.

— Ты специально выбрал именно это? — спрашивает она наконец.

— А ты как думаешь? — улыбаюсь.

— А зачем?

— А зачем ты заставила меня смотреть о мозгах и кишках? — невозмутимо уточняю я.

— Мог бы не смотреть, — фыркает Варя.

Вновь уходит в кино, а я в неё.

Когда героиня рыдает, Варя заявляет:

— Это не любовь, а зависимость. Как у неё, так и у него.

— А в чём разница?

— Что? — возмущённо смотрит на меня. — Ты сейчас серьёзно? Любовь - это когда хорошо. Зависимость — когда плохо, но уйти не можешь.

— Не согласен. Почему плохо? Многие зависимые кайфуют от своей зависимости.

— Я вот даже спорить с тобой не хочу. Вижу, что это бесполезно.

— Ого! Да ты идеальная женщина, получается. Не затеваешь споров с мужчиной. Я почти влюблён.

Варя так смотрит на меня... с каким-то холодком. А должна бы с жаром уже.

Сползаю ниже, ложусь головой на подлокотник, и тяну Варю к себе.

— Не надо... так... делать... — пытается вырваться.

Но я уже сделал.

И она вновь лежит на моей груди.

— Будешь дёргаться, повредишь мне плечо, — бросаю небрежно.

Варя затихает. А я зарываюсь пальцами в её волосах. Медленно массирую кожу, потом обвожу по краю ушко, глажу мочку. Веду пальцами к шее.

Варя дышит часто и рвано. А у меня в груди бомбит в предвкушении.

Тем временем фильм добирается до конца.

Хэппи-энда здесь нет. Что ж... Зато жизненно. В жизни

тоже счастливого конца почти не бывает.

К финальным титрам Варя приподнимается, собирается встать.

— Подожди. Ещё не всё, — говорю ей, и она поворачивается ко мне.

А я резким движением притягиваю её за затылок и касаюсь губами её губ. Оба замираем.

— Максим... — начинает она шёпотом.

А я ловлю её горячее дыхание, и меня ведёт так, словно пьяный тут я, а не она.

— Помолчи, — шепчу напротив её губ.

Хочу её. И сейчас получу.

Перетягиваю её к себе, укладываю на себя, впиваюсь в жаркий, горячий рот.

Варя вдруг лупит мне по плечу. По больному плечу.

Отпускаю её, и девушка вскакивает.

— Пароль от вайфая, — говорит, когда стоит уже на безопасном расстоянии.

Тру рукой плечо, смотрю на неё исподлобья.

— Avarsky. С большой буквы, — говорю всё-таки пароль.

Она устремляется к двери. Не оборачивается даже.

— Варь...

Она тормозит, бросает взгляд через плечо.

— Через час жду тебя в своей спальне.

Взгляд её становится ошалелым.

— Что? — произносит насмешливо. — Больше ничего не

хочешь?

— Для массажа, Варь, – бросаю небрежно. — Понятия не имею, о чём ты подумала.

Она вспыхивает вся. Уши, как и щеки, становятся не розовыми, а красными.

Ничего не отвечает и сбегает наверх.

Я улыбаюсь.

Этот раунд за мной. Но бой всё ещё не окончен.

Глава 14. Ночь, которая не закончится.

Часть 1

Варя

Как только я подключаюсь к вайфаю, мой телефон начинает нервно вибрировать каждую секунду. От Маркова голосовые и текстовые сообщения. Очень много. Понятно, мой начальник уже извёлся в ожидании новостей. Но... пожалуй, пусть подождёт ещё немного.

Голосовые я, конечно, не включаю, боясь, что кто-то услышит их за стенами этой комнаты. Пробегаю глазами по текстовым сообщениям.

«Варя, какого чёрта?»

«Ну можно хоть в двух словах объяснить, что там у тебя?»

«Морозова, ты там жива вообще?»

«Варя, мне нужна информация!»

И далее в том же духе.

Отвечаю коротко ему в личку: «Я на месте, работаю. На связь выйду позже».

В закрытый чат, в который меня добавил начальник, даже не захожу. Там нас трое. Он, я и его секретарь Светлана. С

ней мы не очень ладим. Она ревнует меня к Маркову, считая, что мы с ним спим. А спать с ним может только она – так она думает. Впрочем, верно думает. Марков совершенно точно не в моём вкусе. Я даже немного его боюсь.

От дедушки сообщений нет.

Мобильной сети здесь тоже нет, и я звоню с помощью интернета.

– Алло, дедуль, это я, – говорю негромко, когда он берёт трубку.

– Варя... Варя, ты где? – звучит на том конце.

В голосе явное беспокойство.

– За городом, дедуль. Я по работе.

Подхожу ближе к окну, стою, комкая занавеску в руках.

– Со мной всё хорошо. Ты как?

– Варя, я тебя не слышу почти.

– Тут связь плохая. Тётя Катя тебя кормит?

– Я что, маленький, чтобы меня кормить? – ворчливо говорит дедушка. – Когда ты приедешь? На улице такая метель.

– А вот метель закончится – и приеду. Дороги занесло, не выбраться. Но я в безопасности, дедуль. Ты там тётю Катю не обижай.

Дедушка фыркает что-то нечленораздельное, а потом вдруг гаснет свет. Ну и связь обрывается. Вайфай ведь тоже исчезает, конечно.

Блин...

Все фонари, освещающие двор, тоже гаснут, и в комнате

становится так темно, что даже как-то жутко. Включаю фонарик на телефоне и зачем-то веду лучом по комнате, проверяя все углы.

Это всё Ганнибал чёртот...

– Варя!

Я подпрыгиваю от неожиданного стука в дверь и голоса Максима. Прижав ладонь к груди, пытаюсь вдохнуть.

– Варя, ты в порядке? – звучит довольно требовательно за дверью.

– Да... да. Что случилось?

Подхожу к двери и открываю её. Максим держит в руках внушительный фонарь, светит нам под ноги.

– Очевидно, погода случилась. Но в доме есть генераторы. Не выходи из комнаты, пока свет не включится. Убьёшься ещё где-нибудь.

Сказав это назидательным тоном, каким обычно говорят с детьми, Максим уходит дальше по коридору.

Смотрю ему вслед. На широкую спину, на луч фонаря, который освещает ему путь. Когда он скрывается с глаз, закрываю дверь и приваливаюсь к ней спиной. Дотрагиваюсь до губ пальцами, хотя совершенно не собиралась этого делать.

Я запретила себе думать о поцелуе. Он просто украл его у меня... Как и тогда.

Шесть лет назад

Вино быстро заканчивается, и нам приносят ещё. Другое. Не такое вкусное и явно более крепкое. Максим перетягивает меня к себе на диванчик. А я безропотно позволяю. Потому что пьяная. И потому что явно поплыла уже от этого парня.

– Только не для прессы, Блокнотик... – мурлычет он, уткнувшись носом мне в висок. – Тоска прям брала по русским красавицам там, на чужбине...

Одной рукой обнимает за плечи, второй гладит моё бедро. Хлопаю глазами. Дыхание перехватывает и от его слов, и от его нескромных прикосновений.

– Ты так пахнешь, Блокнотик, – продолжает Максим. – Мм... Так бы и съел тебя всю.

Глубоко вдыхает, ведя носом по моей скуле. И как-то очень ловко его губы обрушиваются на мои. Наше дыхание смешивается, языки сплетаются. Ладонь Максима уверенно скользит по внутренней стороне бедра прямо к...

Сжимаю ноги. Он резко и довольно грубо вновь раздвигает мои бёдра и шепчет в губы:

– Хочу тебя... Хочу... А ты меня?

Распахиваю глаза и встречаюсь с его потемневшим взглядом. Глаза у Максима синие, но сейчас кажутся чёрными. Его пальцы уже воюют с молнией на моих джинсах. Словно Аварский собирается взять то, что желает, прямо здесь и сейчас. И плевать ему на зрителей через столик от нас.

– Нет! – выдыхаю я, отшатываясь.

Отпихиваю его руку, проверяю молнию на джинсах.

– Блокнотик... – произносит он с удивлением. – Ты чего? Обидел тебя? Тороплюсь?

Мычу что-то нечленораздельно, отбиваясь от его наглых рук и губ. Максим вновь притягивает меня к себе, укладывает щекой на грудь.

– Я понял, ты идеальная женщина, – гладит меня по волосам. – Не такая, как все. Не продаёшься за цветочки и вино. Я почти влюблён.

И я расслабляюсь от этих слов. Поднимаю взгляд к его лицу. Он такой красивый, что прям дух захватывает.

Максим опускает взгляд и смотрит на меня с нежностью.

– Сейчас причалим, и я тебя провожу до дома. Если хочешь.

А я вот не хочу. Хочу, чтобы эта ночь не заканчивалась.

И она действительно так быстро не закончилась... К несчастью.

Наши дни

Заметив полоску света, появившуюся под дверью, выглядываю. Свет в коридоре загорелся, но он тусклый, и там очень мрачно.

Выхожу из комнаты и слышу шаги на лестнице. А потом вижу Максима.

– Мощности генераторов хватит для некоторого освеще-

ния в доме. А вот с отоплением прям беда. Сейчас затоплю в спальне камин, ляжешь у меня. И надень что-нибудь потеплее... – опускает взгляд на мои шёлковые домашние брюки. – Скоро температура в доме сильно опустится.

Обходит меня и устремляется к своей спальне. А до меня постепенно доходит...

Он думает, что мы будем спать в одной кровати? Серьёзно, что ли?

Размечтался!

Глава 15. Ночь, которая не закончится. Часть 2

Варя

Шесть лет назад

— Так куда мы едем?..

Кажется, я задаю этот вопрос уже в десятый раз.

И пытаюсь отодвинуться от Максима как можно дальше.

А двигаться уже некуда — моё плечо вжато в дверь.

Такси словно едет по незнакомым мне улицам. Хотя казалось, что в Москве я знаю всё.

Ну или просто темно, и я не разбираю дороги.

Или... выпила слишком много.

— Ты так вкусно пахнешь, — мурлычет Аварский, уткнувшись носом мне в шею. — И у тебя такие волосы... мм... просто роскошь в наше время иметь такие волосища.

Его слова заставляют моё серд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.